

Иллюстрированный журнал

литературы

политики и современной жизни.

XIV годъ

№ 19

годъ XIV

1883

ВЫХОДИТ ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫМИ №№ ВЪ ТРИ ЛИСТА СЪ 6—10 РИС. И ЕЖЕМѢСЯЧНЫМЪ ДАРОВЫМЪ ПРИЛОЖЕНИЕМЪ „ПАРИЖСКИХЪ МОДЪ“ (отъ 30 до 40 модн. рис.) и ЛИСТА ЧЕРТЕЖ. ВЫКРОЕКЪ (отъ 22 до 30 рис.) разн. рис. рукод. работъ (отъ 20 до 40 рис.) Цѣна этого № „Нивы“ 15 к., съ перес. 20 к.

Открыта подписка на „Ниву“ 1883 г.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА НА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ „НИВЫ“:

Безъ доставки въ Петербургъ ... 4 р.

Съ доставкою въ Петербургъ ... 5 р. 50 к.

За границу:

въ Австрію, Германію, Францію, Италію и друг. госуд. 8 руб.

Безъ доставки въ Москву черезъ отдѣл. конт. „Нивы“ Н. Н. Печковской, Петровск. Торг. линія 5 р.

Съ пересылкою въ Москву и другие города Россіи ..... 6 р.

ПРИЛОЖЕНИЯ.

Особая приложенія при „Нивѣ“ объявленій отъ торговыхъ домовъ принимаются для иногор. по 5 р. съ тысячи, для городскихъ по 4 р.

Каждый новый подписчикъ получаетъ все въ 1883 г. уже вышедшіе номера со всѣми приложеніями.

КОНТОРА ЖУРНАЛА „НИВА“ ПОМЪЩАЕТСЯ ВЪ С.-П.-БУРГѢ, НА БОЛЬШОЙ МОРСКОЙ, ВЪ д. № 9 и ОТКРЫТА КРОМѢ ПРАЗДНИКОВЪ ЕЖЕДНЕВНО отъ 10 час. утра до 6 час. вечера.

Памятникъ на мѣстѣ монастыря св. Ирины въ Киевѣ. Рис. съ натуры В. Сусловъ, грав. М. Рашевскій.

Памятникъ Св. Ирины въ Кіевѣ.

Кто былъ въ Кіевѣ, тому конечно приходилось съ любопытствомъ останавливаться передъ небольшимъ памятникомъ, воздвигнутымъ на Владимірской улицѣ, неподалеку отъ ограды Софійского собора. Этотъ памятникъ слынетъ въ народѣ подъ именемъ памятника Св. Ирины и воздвигнутъ въ 1855 году на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ, по предположенію нашихъ археологовъ, существовалъ при Ярославѣ монастырь Св. Ирины. Мы говоримъ, по предположенію, въ томъ смыслѣ, что и до сихъ поръ многіе знатоки кіевскихъ древностей еще не вполнѣ согласны, что именно здѣсь была построена та обитель, которая была воздвигнута мудрымъ основателемъ Кіева въ честь имени своей жены княгини Индигерды, названной въ Св. крещеніи Ириною, а по принятіи монашества Анною. Что же касается показанія лѣтописи о мѣстѣ нахожденія Ирининского монастыря, то Несторъ только упоминаетъ, что Дирова могила „за святою Ориною“, но конечно такой намекъ былъ лишь ясенъ для современниковъ и совершенно непонятенъ для насъ, для которыхъ мѣстоположеніе могилы Дира также осталось археологической загадкой. Въ этомъ отношеніи судьба Ирининского монастыря тождественна съ судьбою многихъ древнѣйшихъ построекъ Кіева. Съ 1240 года этотъ монастырь оставался много вѣковъ въ развалинахъ, отчего утратилось указаніе и самого мѣста его уцѣлѣвшихъ остатковъ, исчезнувшихъ впослѣдствіи окончательно подъ насыпью вала. Лишь въ 1833 году одинъ изъ кіевскихъ археологовъ К. А. Лохвицкій, началъ производить раскопки въ излучинѣ древняго городскаго вала, неподалеку отъ ограды Софійского собора и тогда же ему уда-

лось открыть большую часть церковныхъ стѣнъ, которыхъ кладка, кирпичъ и цементъ имѣли большое сходство съ матерьялами первобытныхъ кіевскихъ построекъ эпохи Ярослава. При дальнѣйшихъ раскопкахъ найдено нѣсколько гробницъ красного шифера, обломки церковныхъ вещей и остатки фресковъ, сохранившихся на внутреннихъ стѣнахъ развалинъ. Очищенное отъ земли основаніе древняго храма имѣетъ видъ продолговатаго параллелограмма, котораго одна длинная сторона обращена къ востоку, а противоположная къ западу. Въ восточной части очищенного пространства замѣтны слѣды алтаря съ двумя палатками и кромѣ того уцѣлѣли еще четыре массивныя четырехугольныя подпоры, поддерживающія нѣкогда собою средній куполъ храма. Впрочемъ эти любопытныя развалины къ сожалѣнію еще не вполнѣ изслѣдованы и покрыты еще слоемъ земли, особенно въ западной части; упоминаемый же нами въ началѣ статьи памятникъ воздвигнутъ въ центрѣ древняго храма, находящагося нынѣ среди Владимірской улицы.

Самый памятникъ, напоминающій Кіевлянамъ объ ихъ дорогой, наидревнѣйшей святынѣ, состоить изъ четвероугольнаго, невысокаго столба, покрытаго остроконечнымъ изъ бѣлой жести куполомъ, увенчаннымъ золотымъ крестомъ. Памятникъ обнесенъ невысокой чугунной решеткой и на одной его сторонѣ видна бронзовая доска, на которой начертано время открытия Ирининскихъ развалинъ — событие не маловажнаго въ лѣтописяхъ нашей отечественной археологической науки.

Дядя Прокофій и Валетка.

Разсказъ графа А. А. Голенищева-Кутузова.

(Окончаніе).

IV.

Сосѣди, съ которыми намѣревался перетолковать дядя Терентій, сочувственно отнеслись къ бѣдственному положенію всѣмъ имъ хорошо известнаго Прокофія Ильича. На сходкѣ порѣшили предоставить въ его пожизненное владѣніе избушку, стоявшую пустую послѣ смерти бобылки Маланы, въ воздаяніе за что Прокофій Ильичъ обязался выставить три ведра вина. Въ село немедленно была послана подвода; парень, взявшийся за исполненіе порученія, получилъ деньги и во всю прыть погналъ лошаденку. Черезъ нѣсколько часовъ вся деревня, несмотря на то, что день былъ сѣрый и холодный, принялъ праздничный видъ. Прокофій Ильичъ, переименованный въ дядю Прокофія, какъ хозяинъ праздника, былъ предметомъ всеобщаго вниманія. Хозяйка дяди Терентія взялась печь ему хлѣбы; дядя Фроль самъ вызвался сѣзжать въ сосѣдній лѣсъ за дровами. Даже Валетка участвовалъ въ общемъ торжествѣ: ребята подчывали его морковью и брюквой, отчего онъ однако отворачивался съ презрѣніемъ. Въ заключеніе: дядя Терентій, дядя Фроль и еще нѣсколько мужиковъ, изъ болѣе выпившихъ, захотѣли проводить старика до избушки. Избушка эта была та самая, описаніемъ которой я началъ свой разсказъ. Подошелъ къ ней дядя Терентій, оторвалъ доску, прибитую поперекъ двери, и небольшая толпа вошла во внутренность новаго жилища дяди Прокофія.

— Владай! — не безъ торжественности произнесъ дядя Терентій.—Дай тебѣ Богъ въ честь добрый!..

Въ избѣ было холодно, какъ на дворѣ, потому что окно было безъ стеколъ, одна изъ стѣнъ прощупывала сквозь щели дневной свѣтъ, съ потолка капалъ дождь; но всѣ эти недостатки были признаны поправимыми или неважными. Потолковавъ немного и объявивъ новому однодеревенцу свое удовольствіе за угощеніе, мужички воротились по домамъ. Начинало смеркаться. Дядя Прокофій плотно притворилъ ставень въ окнѣ, положилъ шкатулку на полку, снялъ тулупъ, свернувъ его, бросилъ на печь и самъ влезъ туда же. Валетка прыгнулъ за нимъ.

— И ты ко мнѣ? — обратился къ собакѣ дядя Прокофій, сильно подвыпившій.—Ну ложись... ложись... ближе

ложись! Насъ съ тобой согнали съ нашего старого пепелища; убирайтесь, молъ, къ чорту негодное старье!.. Ну, мы и ушли; только съ нами не чортъ, а Богъ... чортъ-то въ усадьбѣ жить остался... Охъ ты звѣрь эта-кой! — продолжалъ онъ, гладя Валетку.—Ишь, вѣдь, за мной ушелъ, не остался на барскихъ хлѣбахъ. Кабатчикъ говоритъ: продай! а я ему говорю: ни-ни, голубчикъ, того не будетъ, чтобы я Валетку продалъ, потому онъ, хоть и песъ, а людей, какіе они есть, понимать умѣеть. Кто такой Прокофій? А? — Ну, говори, кто такой Прокофій?

Валетка лизнулъ на удачу и оказалось, что онъ лизнулъ хозяина въ самый носъ.

— Вотъ то-то и есть! — отвѣчалъ тотъ.—Прокофій человѣкъ хороший, Прокофій вѣрой и правдой барину шестьдесятъ пять лѣтъ служилъ... и Никита Иванычъ, дай ему Богъ царство небесное, никогда бы его не прогналъ и не продалъ бы никому... А ты, что такое Валетка? а? — говори песь, что ты такое?

Валетка, услыхавъ свое имя, опять засуетился, какъ будто хотѣлъ сказать что-то, и зѣвнулъ.

— Вѣрно! — отозвался Прокофій.—Ты мой песь... мой слуга неизмѣнныи... и жить въ усадьбѣ не остался — и я тебя за это никогда никому не продамъ... потому на мнѣ крестъ есть... Такъ, стало быть, какъ теперь за jakiли вмѣстѣ, такъ и до смерти... вѣрно! — И согрѣвая другъ друга, стариѣ и собака крѣпко уснули на новосельѣ.

Въ слѣдующіе затѣмъ дни, дядя Прокофій занялся устройствомъ своего хозяйства и мало-по-малу съ помощью добрыхъ людей привезъ избушку въ такое состояніе, что въ ней можно было прожить зиму. Валетка скоро принаровился къ двери и безъ посторонней помощи отворялъ ее изнутри и извнѣ, потому что замка не было, да и вѣсить его было не для чего.

Наступила зима. Нѣсколько дней морозило, нѣсколько дней сряду шелъ снѣгъ, наконецъ, небо прояснилось и восходящее солнце освѣтило преобразившуюся землю. Все кругомъ блестало ослѣпительной бѣлизной. Свѣтлый дымокъ, сгущенный морозомъ, не расходился въ синемъ небѣ и шапочкой стоялъ надъ каждой трубой; воздухъ былъ прозраченъ и звученъ; человѣческие голоса, раз-

дававшися въ деревнѣ, далеко разносились въ поляхъ, достигали лѣса и возвращались назадъ, отраженные его мохнатой, посѣдѣлой стѣной. Все было весело и улыбчиво. Сидитъ дядя Прокофій въ своемъ тулупчикѣ передъ избушкой и подобно всѣмъ настроенъ пріятно. Ему хочется съ кѣмъ нибудь поболтать, но никого нѣть, даже Валетка уѣжалъ въ деревню. Дядя Прокофій принимается свистать. Черезъ нѣсколько минутъ Валетка является.

— Гдѣ ты пропадалъ? — обращается къ нему дядя Прокофій.

Валетка садится передъ нимъ и глядитъ ему въ глаза.

— Небось все за Фроловой жучкой бѣгалъ? А?

Валетка поднимается на ноги и лебезитъ.

— Нѣть-то въ тебѣ совѣсти ни крошки, старый ты песь! Измѣнилъ ты своему хозяину, домой не заманишь.

Валетка ложится.

— А помнишь, какъ мы бывало съ тобой за зайцами ходили? Улюлю! Шершъ! Здѣсь! — вскрикиваетъ стариkъ и рукой указываетъ въ сторону.

Валетка вскакиваетъ, дѣлаетъ нѣсколько высокихъ прыжковъ по снѣгу по направленію руки, оглядывается во все стороны, слушаетъ...

— Дуракъ ты — больше ничего! Ну куда ужъ намъ съ тобой теперь за зайцами гоняться! Поди, лови ихъ! Нѣть ни одного!

Валетка начинаетъ визжать, подбѣгаetъ, лижетъ руки, сапоги и тулупъ...

— Пойдемъ-ка домой!

И оба скрываются въ дверяхъ избушки.

Паланька часто прибѣгаetъ къ дядѣ Прокофію посидѣть и послушать, какъ онъ разсказываетъ о барскомъ житьѣ-бытьѣ; но ей не всегда досужно и, случается, что два-три дня проходятъ и никто не заглядываетъ въ одинокую обитель старика. Тогда онъ скучаетъ и по ночамъ его томитъ безсонница. Съ вечера и до утра не можетъ онъ сомкнуть глазъ и нападаетъ на него какой-то страхъ, и кости ноютъ, и въ ушахъ шумитъ. Тогда онъ шепчетъ молитвы, по нѣсколько разъ сряду читаетъ „Вѣрую“ или старается занять память воспоминаніями. Два события особенно часто приходятъ ему на умъ и онъ невольно на нихъ останавливается, воскрешая и даже придумывая подробности, всматриваясь въ давно промелькнувшіе передъ нимъ образы.

Во первыхъ, представляется ему теплое юльское воскресеніе. Баринъ подъ вечеръ уѣхалъ къ сосѣду на именины; дворовые разбрелись во все стороны: кто постарше, съ бурмистромъ во главѣ, направились къ селу, въ кабакъ — молодежь, и въ томъ числѣ Прокофій, собралась передъ людскимъ флигелемъ, возлѣ котораго на скамейкѣ усѣлись дѣвки и пѣли пѣсни. Прокофій, по желанію барина обученный искусству играть на гитарѣ, потѣшалъ присутствующихъ музыкой. Мало-по-малу пѣсни перешли въ пляску, пляска въ бѣготню по улицѣ, по саду, по всей усадьбѣ. Солнышко сѣло и становилось темно, особенно въ старой липовой аллѣ, ведущей отъ барского дома къ озеру. Утомленный и распотѣвшій, Прокофій шелъ по этой аллѣ къ дому и мурлыкалъ про себя пѣсню, тихо потрогивая пальцами струны гитары. Вдругъ позади него послышался шорохъ, кто-то выбѣжалъ изъ густыхъ кустовъ акаціи и схватилъ его за фалды сюртука. Прокофій оглянулся и увидѣлъ передъ собой дочь садовника, Глашу, которая изъ дворовыхъ дѣвокъ нравилась ему всѣхъ больше, потому что лицо у нея было круглое, щеки румяные, глаза веселые и зубы блѣлые.

— Подѣ-ка сюда, что я тебѣ скажу! — прошептала Глаша, и повлекла Прокофія за собою въ темную чащу кустовъ. Прокофій молча повиновался.

— Ну что? — опять зашептала Глаша, останавливаясь. — Ты испугался, какъ я тебя за фалды-то поймала? говори...

— Испугался.

— Я такъ и знала. А что я тебѣ теперь хочу сказать? Отгадай.

— Не знаю.

— Ну вотъ — не знаю! Ты отгадай.

— Скажи.

— Ишь какой! ему такъ прямо и говори все, что думаешь!

— Да вѣдь ты меня за этимъ и звала.

— Мало ли чего нѣть!

Наступило молчаніе; только слышно было, какъ Глаша тихонько смѣялась, да гдѣ-то далеко въ поляхъ кричалъ коростель. Потомъ дѣвушка быстро схватила Прокофія за руку, поднялась на цыпочки и надѣ самымъ ухомъ быстро проговорила: „Ты мнѣ болѣно любѣ, женись на мнѣ!“ — Затѣмъ губы ея прильнули къ уху и раздался звонкій поцѣлуй.

— Вотъ тебѣ за это! — добавила она, отпрыгнувъ въ сторону.

Прокофій былъ оглушенъ. Онъ оторопѣлъ, гитара выпала изъ рукъ, сердце застучало, какъ молотокъ; онъ кинулся къ Глашѣ, крѣпко обнялъ ея толстенький, молодой станъ, не помня себя отъ радости; но въ эту самую минуту до слуха его явственно долетѣлъ знакомый стукъ барской коляски, вѣзжавшей въ усадьбу. Онъ остановился и прислушался.

— Ну да, — капризно заговорила Глаша, баринъ єдетъ домой, баринъ сейчасъ тебя спроситъ; а ты все-таки меня поцѣлуй, я тебя поцѣловала и ты меня поцѣлуй и ничего дурнаго отъ этого не выйдетъ... Ну же!..

Прокофій махнулъ рукой.

— Эхъ, пронадай голова! — громко сказалъ онъ, и второй поцѣлуй, громче и слаще первого, потому что въ немъ одномъ слилось два, прозвучалъ въ чуткой тишинѣ юльской ночи.

Не разъ послѣ того видался Прокофій съ Глашой ночью, тайкомъ, подъ темными липами барскаго сада; часто и крѣпко они цѣловались, много говорили другъ другу ласковыхъ словъ, но все это слилось въ памяти дряхлаго дяди Прокофія въ одно туманное воспоминаніе о чемъ-то очень хорошемъ. Ясно могъ онъ себѣ представить только первое свиданье и первые поцѣлуи.

Второе памятное событие въ жизни дяди Прокофія относится уже къ гораздо позднѣйшему времени, а именно: это было за два года до переселенія его въ деревню Шавригино. Старенекъ становился баринъ Никита Ивановичъ, силы его съ каждымъ днемъ видимо угасали, но онъ, казалось, самъ того не замѣталъ. Любимая охота его была ружейная, — онъ даже зайцевъ не травилъ, а стрѣлялъ изъ-подъ гончихъ. Собрался Никита Иванычъ въ началѣ сентября на первое осеннее поле. День былъ сѣрый, но дождя не было; дулъ свѣжій вѣтерокъ, листья на осинахъ и березахъ желтѣли и обваливались; въ поляхъ зеленѣла озимь; заяцъ началъ линять. Несмотря на всѣ эти благопріятныя для охоты обстоятельства, баринъ всталъ по утру съ постели лѣвой ногой: ему нездоровилось, ему было лѣтъ натягивать длинные, тяжелые сапоги, застегивать венгерку, подпоясываться... Эхъ-хѣ-хѣ! — вздыхалъ онъ про себя, осматривая залежавшееся ружье, и тутъ только въ первый разъ замѣтилъ, что глаза его, до того времени свѣжіе и зоркіе, съ трудомъ могли разобрать мелкую надпись на стволахъ, обозначавшую имя фабриканта. До чтенія вообще онъ былъ не охотникъ. Газетъ не выписывалъ, книгъ не покупалъ. Вспомнилъ онъ однако, что на полѣ въ кабинетѣ уже нѣсколько лѣтъ валяется старый календарь. Онъ приказалъ Прокофію подать его, развернулъ, посмотрѣлъ на печать и уѣдился, что глаза его дѣйствительно подверглись влиянию все-разрушающей старости. Открытие это поразило его самымъ непріятнымъ образомъ. Онъ швырнулъ книгу подъ столъ, глубоко вздохнулъ и, взявъ ружье, молча вы-

Видъ берега водопада Иматра зимою. Съ фотограф. Е. П. Вышнякова, грав. М. Рашевской.

Видъ береговъ водопада Импера зимою. Съ фотогр. Е. И. Вышнякова, грав. М. Рашевскій.

шелъ на крыльцо. Коляска была уже подана. Гончія прыгали и визжали вокругъ лошадей; барскій любимецъ Заливай безцеремонно прыгнулъ въ коляску. Прокофій сѣлъ на козлы и крикнулъ кучеру: пошелъ!

Дядя Терентій съ ранняго утра уже отправился нѣшикомъ на мѣсто охоты и дожидался барина на опушкѣ лѣса, гдѣ, по его словамъ, зайцевъ было столько, какъ будто ихъ лѣшій туда согналъ со всего уѣзда.

Однимъ словомъ, все шло обыкновеннымъ порядкомъ; а между тѣмъ Никитѣ Иванычу думалось, что ничего не клеится; ему казалось, что гончія съ утра пакормлены,—хотя Прокофій хорошо зналъ свое дѣло и еще на канунѣ заперъ собакъ въ чуланѣ, поставивъ туда только шайку воды. „Прежде холопы меня боялись, а теперь на старика и плевать не хотятъ“,—пробормоталъ баринъ. Дорогой онъ озябъ, чего въ такую погоду съ нимъ прежде никогда не случалось, потому что венгерка его была вся подбита плотной мерлушкой. Затѣмъ, вылѣзая изъ коляски, онъ оступился и чуть было не упалъ; пройдя до лѣса, всего съ четверть версты, почувствовалъ усталость и принужденъ былъ сѣсть на пень, чтобы отдохнуть. Но болѣе всего досаждала ему мысль о слѣпотѣ: онъ пристально вглядывался въ предметы и ему чудилось, что подробности ихъ ускользали отъ его взора, и чѣмъ болѣе напрягалъ онъ зрѣніе, тѣмъ туманнѣе все становилось кругомъ. Онъ закурилъ сигару и сталъ дожидаться.

Дядя Терентій, по обыкновенію, не ошибся въ разсчетѣ—гончія скоро отыскали зайца и залились тѣмъ многозвучнымъ, волкообразнымъ, гармоническимъ лаемъ, который такъ пріятно щекочетъ слухъ истиннаго охотника. Сдѣлавъ небольшой кругъ, заяцъ вернулся къ опушкѣ и выбѣжалъ на поляну. Никита Иванычъ выстрѣлилъ, взглянулъ—заяцъ, приложивъ уши, пронесся мимо него и скрылся въ противоположномъ островѣ. Никита Иванычъ, не сказавъ ни слова, зарядилъ ружье и опять сѣлъ на пень. Онъ ожидалъ этого промаха и рѣшился дождаться еще двухъ. Между тѣмъ гончія перевалились черезъ поляну, опять завернули зайца и выгнали на барина. Послѣдовалъ второй промахъ.

— Не выждали! — крикнулъ неподалеку стоявшій Прокофій.

— Молчи, дуракъ!—сердито отозвался Никита Иванычъ и, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, побрелъ по направленію, откуда слышался лай.

Вдругъ онъ затрясся всѣмъ тѣломъ, широко раскрылъ глаза, прицѣлился, опустилъ ружье, потомъ опять прицѣлился. Заяцъ, обманувъ собакъ, былъ уже опять на полянѣ и сидѣлъ передъ нимъ въ двадцати шагахъ. Выстрѣль грянулъ, Никита Ивановичъ бросился впередъ... дымъ разогналъ, но на томъ мѣстѣ, гдѣ сидѣлъ заяцъ, торчала пустая кочка. Стонъ вырвался изъ груди Никиты Иваныча; онъ поднялъ глаза и увидалъ, что Прокофій цѣлился.

— Стой! — раздался грозный голосъ; но было уже поздно, Прокофій спустилъ курокъ и заяцъ кубаремъ покатился по травѣ.

Неожиданнымъ результатомъ всего этого было то, что баринъ, подозвавъ къ себѣ торжествующаго Прокофія, приказалъ ему немедленно перевѣшать всѣхъ собакъ. Прокофій осталъся.

— Да за что-же-съ? — пролепеталъ онъ, ничего не понимая.

— За что?—заревѣлъ Никита Иванычъ, бросая ружье о земль и сжимая кулаки.—А за то, что твой господинъ ни къ чорту больше не годится, что даромъ кормить собакъ срамъ, что продавать ихъ позоръ...

— Помилуйте! — началъ было Прокофій, но тотъ его не слушалъ.

— За что?—продолжалъ онъ, приходя все въ большее остервенѣніе.—За то, что надо мнай теперь кусты смеяться станутъ; за то, что я оглохъ, ослѣпъ, обезси-

лѣль, одурѣлъ, что мнѣ теперь на печи лежать, а не на охоту ходить, что мнѣ умирать пора!..

Онъ закашлялся и отвернулся.

— Да какъ-же это такъ?—недоумѣвалъ Прокофій.—Неужели и Заливая?

— Всѣхъ, говорять тебѣ, всѣхъ!—закричалъ опять Никита Ивановичъ.—И если ты, старый хрѣнъ, хоть одну въ живыхъ оставить посмѣешь, такъ я тебя самого...

Онъ не докончилъ, быстрыми шагами пошелъ къ приблизившейся коляскѣ, сѣлъ и уѣхалъ домой.

Черезъ нѣсколько времени Прокофій, блѣдный и мрачный, входилъ въ кабинетъ. Никита Иванычъ, закинувъ руки за голову, лежалъ на отоманкѣ и пристально глядѣлъ въ потолокъ.

— Ну что?—спросилъ онъ, не двигаясь.

Прокофій молчалъ. Въ первый разъ въ жизни онъ положительно не одобрялъ распоряженія господина и дулся.

— Исполнилъ?—спросилъ опять баринъ.

— Исполнилъ,—отвѣчалъ Прокофій.

— И Заливая?

— И Заливая.

Никита Иванычъ внезапно сморщился и захныкалъ.

— Прокофьюшка! Ты на меня не сердись,—простональ онъ сквозь слезы.

Отвѣта не было. Прокофій суроно повернулся, пошелъ въ свою коморку и, заперевъ за собою дверь, заглянулъ подъ кровать.

Тамъ, свернувшись, лежалъ Валетка и, съ просонья не узнавъ Прокофія, зарычалъ.

— Что ты, Богъ съ тобой!—испуганно окликнулъ его Прокофій.—Вѣдь я тебя вѣшать не стану... вѣдь я не... онъ хотѣлъ было сказать: злодѣй какой, но остановился и сталъ ласкать собаку, которая, сознавъ свою ошибку, легла къ нему на колѣни.

Вотъ что припоминалъ дядя Прокофій, лежа на печи и тщетно стараясь отогнать овладѣвшій имъ страхъ. Его мучила мысль, что онъ своимъ молчаниемъ огорчилъ и безъ того разстроеннаго барина и что Валетка зарычалъ на него потому, что чуялъ послѣ какого тяжелаго дѣла онъ вернулся домой. „Да что же утро не приходитъ?“—шепталъ онъ, крестясь, и съ головой завертывался въ тулузъ. Утро приходило и дядя Прокофій, утомленный и измученный, забывался краткой дремотой.

V.

Дядя Прокофій не дождался весны. Послѣ новаго года онъ захворалъ, а хворать въ семидесять лѣтъ опасно: того гляди, закашляешься и умрешь. Но смерть дяди Прокофія была нѣсколько иная: онъ и Валетка окончили свое земное существованіе такъ же, какъ и влаки его,—вмѣстѣ. Вотъ какъ это случилось:

Старикъ уже болѣе двухъ недѣль не слѣзалъ съ печи: у него распухли ноги и грудь заложило такъ, что дышать было трудно. Однажды Паланька, забѣжалъ къ нему, не получила отвѣта на обычное привѣтствіе. Въ избушкѣ было почти совсѣмъ темно, ставень былъ притворенъ—должно быть, вѣтеръ сослужилъ эту послѣднюю службу дядѣ Прокофію. Паланька взобралась на печь и испугалась: старикъ лежалъ неподвижно, съ полуоткрытымъ, хрипящимъ ртомъ, съ взъерошенными волосами, съ глазами мутными, безвзглядными.

— Дядя, а дядя!—шепнула Паланька.

Отвѣта не было.

— Дядя Прокофій.

— Ой!—тихо вздохнула грудь.

— Что съ тобой? ты нездоровъ?

Взъерошенная голова мотнулась въ знакъ согласія.

— Не нужно ли тебѣ чего?

Голова мотнула отрицаніе.

— Пойши, — посовѣтывала Паланька, сухъ въ отвалившуюся руку дяди Прокофія ломоть чернаго хлѣба.

Рука не приняла, но губы зашевелились.

— Смерть пришла... ничего не подѣлаешь...

Паланька спрыгнула съ печи и выбѣжала за дверь. Часа черезъ три она опять вернулась и влѣзла на печь.

— Дядя, а дядя!

— Ой!

— Батька пришелъ.

— Какой батька?

— Нашъ батька — отецъ Федосѣй.

— Пошто?

— Напутствовать, произнесъ басистый голосъ отца Федосѣя, вошедшаго въ избушку и отдирающаго ледяные сосульки съ бороды и усовъ.

Старикъ ничего не понялъ; въ головѣ его только мелькнула мысль: какъ хотятъ. Потомъ онъ забылся.

Была ночь, когда дядя Прокофій открылъ опять глаза. На дворѣ бушевала мятель — одна изъ тѣхъ мятелей, когда мракъ, холодъ и снѣгъ, обнявшись, пляшутъ безъ устали, поютъ безъ умолку, рыдаютъ и смѣются, какъ пьяные въ разгарѣ дикой игры. Нѣть ни неба, ни зем-

ли! Все смѣшалось въ массу безпредѣловъ и формъ, въ одинъ чудовищный, безмысленный хаосъ. Вдругъ чудится дядѣ Прокофію, что въ этомъ хаосѣ кто-то лаетъ, визжитъ, реветь — должно быть Валетка. Это былъ дѣйствительно онъ. Забытый и голодный, песь съ вечера уѣжалъ въ деревню и теперь возвращался домой. По дорогѣ, внезапно, онъ остановился, понюхалъ воздухъ, ощетинился и залаялъ. Что-то страшное приближалось къ нему. Въ одно мгновеніе ока домчавшись до двери избушки, Валетка сталъ усиленно царапаться, но дверь не отворялась, ее занесло снѣгомъ. Раздался еще лай, потомъ шумъ борьбы, ревъ... въ избушкѣ что-то тяжело рухнуло, застонало и захрипѣло.

Еще сердитѣе завыль вѣтеръ и закружилась мятель; но живыхъ звуковъ болѣе не было слышно, потому что Валетку сѣѣли волки, а дядя Прокофій, услыхавъ отчаянный вопль погибающаго товарища, метнулся въ сторону, хотѣлъ что-то предпринять — должно быть, помочь — упалъ съ печи и кончился. На слѣдующее утро Паланька нашла на полу уже совершенно холодный трупъ, а отъ Валетки ничего не осталось.

Избушка дяди Прокофія опять стоитъ пустая, тропинки къ ней нѣтъ, дверь заколочена и крыша совсѣмъ почти обвалилась. Но дядя Терентій и дядя Фроль посовѣтовали сосѣдямъ не сносить ее до времени: можетъ быть, она еще кому-нибудь пригодится.

Стихотвореніе.

I.

Весна, цветы и ароматъ,
И свѣтлыхъ тучекъ вереницы,
И надо мною вновь летять
Тепло почуявшия птицы...
Волнами яркаго огня
Согрѣты первыя желанья,—
И словно все вокругъ меня
Слилось въ чудесное лобзанье...

II.

Въ облакахъ и пурпурѣ, и рубины,
И горячій, яркій блескъ червонца,—

Ужъ въ волнахъ морскихъ до половины
Кровяное погрузилось солнце...

* * *

Вымпела какъ огненные птицы
Шевелятъ своимъ крыломъ уснувшимъ...
Старыхъ мыслей рѣютъ вереницы,—
Я опять живу душой въ минувшемъ...

* * *

Югъ! Краса!.. Огнистой бирюзою
Блещутъ волны моря золотаго...
Что-жъ я вновь лечу душой больною
Въ лѣсъ сосновый сѣвера глухаго.

П. Гнѣдичъ.

Императоръ-Философъ.

(Очеркъ).

7-го марта 161 года, послѣ Р. X., умеръ въ своемъ дворцѣ, въ Лориумѣ, римскій императоръ Антонинъ, одинъ изъ наиболѣе человѣчныхъ и благороднѣйшихъ государей въ ряду императоровъ, царствовавшихъ въ теченіи двухъ столѣтій; въ обширной имперіи, онъ, за свое двадцати-трехъ-лѣтнее правленіе, упрочилъ миръ и благосостояніе. — Прежде, чѣмъ на вѣки скнуть свои глаза, Антонинъ вѣрѣлъ принести въ комнату своего прѣмного сына и пасынка, Марка-Аврелія, золотую статую фортуны, которая всегда должна была находиться въ комнатѣ императора. Начиная со 2-го вѣка цесари назначались (какъ-бы въ видѣ наследниковъ престола) императорами заранѣе, еще при жизни, они усыновляли ихъ, а сенатъ признавалъ ихъ въ этомъ достоинствѣ. Система эта была введена въ обыкновеніе избраннымъ въ 96 году въ императоры старымъ Нервой, усыновившимъ Траяна, затѣмъ былъ усыновленъ родственникъ Траяна, Адріанъ, который, въ свою очередь, усыновилъ Антонина. Система, до сихъ поръ, дала блестательные результаты въ лицѣ четырехъ, одного за другимъ слѣдовавшихъ правителей, при которыхъ Римъ достигъ высокой степени благоденствія. Ихъ время — въ особенности — Антонина — напомнило счастливое старое время Рима. Можно ли было надѣяться, что и при усыновленномъ наследнике престола, при Маркѣ-Авреліѣ, система проявится съ прежнимъ блескомъ, что старое счастливое время для Рима повторится и при второмъ Антонинѣ.

Впрочемъ, римляне, послѣ смерти миролюбиваго императора, котораго такъ уважали, вполнѣ были увѣрены, что его преемникъ оправдѣтъ возлагавшіяся на него надежды. Во всемъ Римѣ и Италии онъ былъ извѣстенъ, какъ образецъ добродѣтелей и ни въ чемъ не обманулъ ожиданий своего прѣмного отца, а также и императора Адріана, довольно близко ознакомивша-

гося съ нѣжнымъ, задумчивымъ, еще восьмилѣтнимъ мальчикомъ. Когда ему минуло 18 лѣтъ, Антонинъ призналъ его своимъ преемникомъ и съ 22 года онъ готовился къ высокому назначению, стараясь совершенствоваться и въ умственномъ, и въ нравственномъ отношеніяхъ.

Философіи онъ учился, конечно, у первыхъ и лучшихъ преподавателей; всѣ они полюбили его и навсегда остались ему вѣрными друзьями. Философія того времени была нѣчто въ родѣ религіознаго вѣрованія, правилъ морали, которыя требовали отъ человѣка воздержанія отъ всякой суетности и тщеславія, отъ всякихъ пороковъ, ставя выше всего выполненіе человѣческихъ обязанностей во благо общее. То было ученіе стоиковъ, которому Платонъ далъ дальнѣйшее развитіе. И замѣчательно, что въ то самое время, когда начало уже всюду распространяться ученіе Христа, основанное на любви ко всему человѣчеству, въ это самое время, среди испорченного и приходившаго въ упадокъ римскаго общества, явилась группа людей, поставившихъ себѣ задачей обновить это общество и содѣйствовать благоденствію государства пасажденіемъ и утвержденіемъ нравственныхъ началъ — добродѣтели, человѣчности, сознанія долга, самопожертвованія. Высокое стремленіе это дало древнему миру, предъ его разрушеніемъ, еще полстолѣтія счастія и чистаго блеска культуры. Но христіанствошло къ цѣли, еще высшей, къ счастью всего человѣчества; оно восторжествовало и вызвало новую культуру.

Къ небольшой группѣ людей, о которой только что сказано, принадлежалъ — и при томъ-же въ числѣ первыхъ — и Маркъ-Аврелій. Съ своего двѣнадцатилѣтняго возраста онъ жилъ, строго сообразуясь съ правилами философіи, изученію которой страстно предался. Онъ спалъ на твердомъ ложѣ, не зналъ ни

роскоши, ни удовольствий. День его, какъ день монаха, былъ заранѣе точно распределенъ и, не смотря на свое слабое здѣшнее, онъ, все свое время, исключительно посвящалъ труду, лишая себя всего, кроме самого необходимаго. Выше всего для него стояла обязанность; его недостатки (у кого-же ихъ нѣтъ) заключались въ отсутствіи дальновидности и радостнаго взгляда на жизнь. Онъ былъ слишкомъ ученымъ, слишкомъ философомъ. Строгий къ себѣ, Маркъ-Аврелий, вмѣстѣ съ тѣмъ, былъ чрезвычайно—иногда чрезмѣрно—милостивъ къ подданнымъ. Главнымъ, наиболѣе выдававшимся свойствомъ его натуры было стремленіе творить добро, человѣческая испорченность вызывала въ немъ всегда только грустное чувство. „Если ты можешь, то сдѣлай ихъ лучшими“, говорить его философія. „Жизнь коротка“, замѣчаетъ онъ въ другомъ мѣстѣ, — „единственный плодъ земной жизни—душевное здравіе и стремленіе души творить только на пользу общую; поступай всегда, какъ ученикъ Антонина“.

Онъ всегда воздавалъ такъ дань почтительной благодарности тому, который ему передалъ свое государство. Антонинъ не подчинялся всесѣло философскому учению, наоборотъ, Маркъ-Аврелий, до того жилъ только имъ, что установилъ для себя ежедневную оцѣнку своихъ поступковъ, отдавалъ себѣ отчетъ—управлялъ-ли онъ, согласно постановленіямъ философіи, дѣлами государства.

Тѣмъ лучше это было для его подданныхъ. Такъ какъ во главѣ имперіи стоялъ истинный философъ, одушевленный чистѣшими и благороднѣшими намѣреніями, то и проводниками его предначертаній, его единственными агентами и помощниками во внутреннемъ управлѣніи были его друзья — философы, его наставники. Онъ былъ не болѣе, какъ первымъ слугой закона; онъ не вѣдалъ произвола, котораго не всегда избѣгали прежніе императоры, даже Адріанъ.

Происхожденіе, званіе или положеніе не имѣли никакого значенія въ его глазахъ; въ своихъ сановникахъ, Маркъ-Аврелий уважалъ не внѣшній лоскъ, а ихъ заслуги и усердіе, съ которыми они посвящали себя служенію благоденствію римскаго міра, какъ онъ понималъ это благоденствіе. И въ это царствованіе философовъ, ихъ усилия содѣйствовали счастію народа — были увѣнчаны полнымъ, и достойнымъ удивленія, успѣхомъ.

Творить добро было девизомъ Марка-Аврелия, было главнымъ дѣломъ его правленія. Впервые тогда было повѣдано миру, что на „обязанности“ государства лежитъ отеческая заботливость о подданныхъ. Сообразно этому правилу, были учреждены школы для бѣдныхъ, воспитательныя заведенія для сиротъ и дѣвочекъ, а деньги, остававшіяся въ экономіи, назначались для представлѣнія имъ средствъ къ существованію. Маркъ-Аврелий самъ много пожертвовалъ на это дѣло изъ своего огромнаго состоянія. Законы были преобразованы, согласно требованіямъ гуманности и милосердія. Рабы—до тѣхъ поръ безправныя существа — поставлены подъ покровительство государства; строгія постановленія обезпечили ихъ отъ произвола ихъ государя и открыли имъ даже возможность въ извѣстныхъ обстоятельствахъ, пріобрѣтать права гражданъ. Это былъ первый и, поэтому, важнѣйший шагъ къ отмѣнѣ рабства. Въ видахъ предупрежденія голода, въ неурожайные годы, по всей Италіи учреждены большия магазины хлѣбныхъ запасовъ. Суровыя мѣры были приняты и противъ нравственной распущенности, противъ дикихъ, варварскихъ обыкновеній, укоренившихся въ римлянахъ, въ ихъ общественной жизни. Маркъ-Аврелий, ненавидѣвшій игры цирка, лишилъ-бы ихъ кроваваго ихъ характера, но ему пришлось-бы тогда возбудить слишкомъ большое раздраженіе въ народѣ, любившемъ еще эти зрѣлища. Но чудеснымъ и блестящимъ памятникомъ этого благодатнаго царствованія для позднѣйшей цивилизациіи осталось римское право, вошедшее въ гражданское и уголовное законодательство; гуманное и мудрое, римское право, въ силу этихъ своихъ достоинствъ, легло въ основу законодательствъ всѣхъ христіанскихъ государствъ. И философъ—Маркъ-Аврелий думалъ и поступалъ какъ христіанинъ, хотя, по своимъ понятіямъ, и въ качествѣ римскаго патріота, считалъ христіанство вреднымъ для государства и допустилъ его преслѣдованіе.

Преданное всесѣло заботъ облагороженія, нравственного усовершенствованія населенія римской имперіи и упроченія внутренняго въ немъ порядка, правительство Марка-Аврелия мало придавало важности внѣшней политикѣ, завоеваніямъ и удовлетворенію военнаго тщеславія. Императоръ-философъ, тотчасъ же по вступленіи на престолъ, взялъ себѣ соправителя—Луція Веру (небывалый примѣръ отсутствія эгоизма), для того, чтобы онъ, въ извѣстной степени, замѣнялъ его въ завѣдываніи военными дѣлами. Но Веръ, военный императоръ, оказался человѣкомъ неспособнымъ, любившимъ удовольствіе и недостойнымъ высокой чести, оказанной ему великодушнымъ Маркомъ-Аврелиемъ. Когда на Арменію напали парсѣ, то императоръ вполнѣ былъувѣренъ въ хорошемъ исходѣ кампаніи, въ успѣхѣ легкомысленного соправителя. Благодаря даннымъ ему отличнымъ полководцамъ, въ особенности—Авидія-Кассія, Веръ одержалъ надъ парсѣнами нѣсколько важныхъ побѣдъ и завоевалъ для Рима еще новую, большую провинцію. Но, затѣмъ, явилась другая, болѣе грозная опасность — германскія племена, маркоманы, квады, вандалы, лонгобарды, готы и другіе, переправившись чрезъ Дунай, безчисленными полчищами бросились

на сѣвернія итальянскія провинціи. Тревога и страхъ охватили всю Италію. Тогда, Маркъ-Аврелий, несмотря на все свое отвращеніе къ войнѣ, рѣшился стать, вмѣстѣ съ Веромъ, во главѣ римскихъ войскъ и лично вести войну противъ варваровъ. Чувство долга заставило его превратиться въ полководца. Когда, послѣ первыхъ удачныхъ военныхъ дѣйствій, Веръ умеръ, Маркъ-Аврелий принялъ на себя одного веденіе войны, которая, какъ извѣстно, у римской имперіи, затѣмъ, надолго затянулась съ германскими народностями.

Около двухъ лѣтъ, хотя и съ нѣкоторыми перерывами, прошелъ императоръ въ лагеряхъ, разбивавшихся въ нынѣшней Венгрии, и близъ Вѣны. Борьба съ сарматами, квадами и маркоманнами продолжалась долго и, въ общемъ, шла счастливо для римлянъ, однако, и притомъ, не удавалось непріятеля принудить къ миру. Философъ и другъ человѣчества сказался и тутъ. Смягчивъ привычный римлянамъ жестокій способъ войны, онъ старался побѣдить непріятеля болѣе при посредствѣ техническаго искусства. При этомъ его поведеніе съ ними внушило имъ высокое уваженіе къ личности императора.

Маркъ-Аврелий стремился прийти къ соглашенію съ германцами, привязать ихъ къ Риму отеческимъ отношеніемъ къ нимъ, предложилъ уступить имъ по ту сторону Дуная опредѣленную военную границей область, которую они владѣли бы независимо, но съ тѣмъ, чтобы прекратили свои набѣги на Римскую имперію. Если бы этотъ планъ могъ осуществиться, то Марку-Аврелію удалось бы обеспечить, можетъ быть, безопасность Рима. Но германцы были такъ разъединены между собою, что никакое соглашеніе съ ними не могло быть достигнуто, не могло быть прочно.

Досугъ лагерной жизни императоръ посвящалъ философскому созерцанію и наблюденіямъ надъ самимъ собой; наблюденія эти онъ записывалъ, оставивъ послѣ себя прекраснѣшія и полныя глубокихъ мыслей творенія благороднаго ума. Вотъ нѣкоторыя выдержки:

„Въ теченіе краткихъ дней, которые человѣкъ проводить на землѣ, онъ долженъ жить согласно требованіямъ природы и когда наступаетъ смерть—принимать ее съ покорностью, подобно оливѣ, въ минуту отпаденія, благословляющей дерево, которое ее произвело и благодарящей вѣтвь, которая ее поддерживала.“ — „Какъ могло случиться, что боги, столь прекрасно создавшіе всѣ вещи и съ такою любовью все устроившіе для людей, оставили безъ вниманія одно, а именно: что люди испытанной добродѣтели, при жизни находившіеся какъ бы въ сношеніи съ богами и за свои благочестивыя дѣла ими любимые, не живутъ снова послѣ своей смерти, а умираютъ на всегда?“ — „Будешь ли ты, когда нибудь, о душа моя, сама по себѣ обладать большей свободой и прозорливостью, нежели матеръльное тѣло, тебя облегающее? Когда будетъ тебѣ дано насладиться радостной возможностью любить все? Когда, о душа моя, будешь ты жить въ обществѣ боговъ и людей, не слыша ни одной жалобы, не имѣя необходимости прощать?“

Въ этихъ изрѣченіяхъ слышится много грусти, чувствуется голосъ души, отвращающейся отъ всего земнаго. Жизнь самого Марка-Аврелия была безпорочна и не запятнана и оттого онъ былъ такъ любимъ и почитаемъ своимъ народомъ. Но у него было свое личное, близкое горе. Уна и свѣтская Faustina, дочь Антонина Пія, не годилась въ жены серіозному, добродѣтельному и великодушному Марку-Аврелію. Не смотря, однако, на то, онъ любилъ ее и дѣлалъ видъ, будто былъ съ ней счастливъ. Онъ не называлъ ее иначе, какъ своею милою и вѣрною супругой, т. е. именно тѣмъ, чѣмъ она въ глазахъ свѣта не была. Домашніе раздоры, къ которымъ приводилъ вспыльчивый и страстный темпераментъ Faustini, тяжело его озабочивали, хотя онъ и старался скрывать это. Правда и то, что добродушіе Марка-Аврелия, граничившее съ слабостью, и его равнодушіе къ нѣкоторымъ практическимъ разсчетамъ и соображеніямъ, иногда служили прямою причиной, вызывавшо злость Faustini. Такъ напримѣръ, когда его дочь, Люцилія, овдовѣла послѣ смерти соправителя Вера, то онъ, во что бы то ни стало, вознамѣрился выдать ее за одного изъ своихъ друзей-философовъ, помпеяна, такъ какъ тотъ казался ему добродѣтельнѣйшимъ человѣкомъ во всей имперіи. Онъ, даже, уверялъ, что Люцилія питаетъ къ нему за это любовь, хотя ничего подобнаго, въ сущности, не было. И онъ былъ очень несчастливъ, когда планъ его былъ окончательно разрушенъ сопротивленіемъ и Faustini, и Люциліи. Изъ двухъ близнецовыхъ, сыновей Марка-Аврелия, престолъ переходилъ къ Коммоду, которому такимъ образомъ надлежало продолжать династію Антоніна. Едва успѣлъ Коммодъ появиться (въ 161 году) на свѣтѣ, какъ отецъ немедленно же показалъ его легіонамъ. Онъ чрезвычайно радовался этому ребенку и часто показывался съ нимъ солдатамъ, чтобы уже заранѣе пріучить ихъ къ ихъ будущему императору. Пяти лѣтъ отъ рода мальчикъ былъ возвѣденъ въ санъ цесаря, одиннадцати—получилъ къ имени прибавку „Germanicus“ и вслѣдъ за тѣмъ немедленно сенатъ присвоилъ ему достоинство трибуна, всегда, согласно обычая, принадлежавшее наследнику престола. Самъ Маркъ-Аврелий почти ежегодно удостаивалъ его новыми отличіями, пожаловалъ его императоромъ, консуломъ, Августомъ, что служило величайшей честью для римскаго императора.

Маленький Канадецъ съ лыжами. Рис. А. Безе, грав. Г. Флюгель.

Но къ этой отеческой любви примѣшивалось и горе. Сердце Марка-Аврелия обливалось кровью при видѣ дикой, необузданной натуры, которую онъ давно открылъ въ сынѣ. Онъ осыпалъ его почестями и благодѣяніями, думая этимъ путемъ искренить дурныхъ наклонности своего наслѣдника, но все больше и больше сомнѣвался самъ въ успѣхѣ. Часто садился онъ въ тихій и вечерній часъ и писалъ свои философскія разсужденія, вызванныя въ немъ горемъ, которое ему причинялъ юноша; мрачно смотрѣлъ онъ въ будущность государства, о благѣ котораго онъ заботился, сколько у него хватало силъ, но которому онъ самъ теперь давалъ императора, обѣщавшаго имперіи одно дурное. Мысль лишить Коммода наслѣдственного престола не разъ приходила ему въ голову, но онъ былъ слишкомъ слабъ и добръ, чтобы рѣшиться на такую энергическую мѣру, да и къ тому же было слишкомъ поздно. Лишеніе престола столь торжественно провозглашенаго императора могло бы повести къ междуусобной войнѣ, такъ какъ среди чужеземныхъ легіоновъ была партія, которая, подобна мятежнику Авидію Кассію въ Сиріи, считала Марка-Аврелия слабоумнымъ философомъ, презирая, вмѣстѣ съ тѣмъ, его мягкое правленіе. Коммодъ непремѣнно нашелъ бы тамъ себѣ поддержку. Мысль эта заставила императора отказаться отъ своего намѣренія. Коммодъ внушалъ опасенія не одному ему. Всѣ, болѣе или менѣе, раздѣляли тревогу императора и въ народѣ даже говорили, будто это не сынъ Марка-Аврелия. Въ самомъ дѣлѣ странную игру сыграла природа, давъ лучшему изъ людей, сына, въ которомъ обнаруживались только грубые и дурные инстинкты. Кровожадность Коммода выражалась въ его страсти бороться, въ качествѣ простаго гладіатора, съ дикими звѣрьми въ циркѣ; распутство его было хорошо известно, а его запальчивость уже теперь служила предметомъ страха при дворѣ. Будущность оправдала всѣ эти тревожныя ожиданія. Съ Коммодомъ начался второй рядъ римскихъ императоровъ, кровожадная ти-

ранія которыхъ превзошла тиранію Каллигулы и Нерона въ 1-мъ столѣтіи. Коммодъ былъ первымъ изъ этихъ чудовищъ и его отецъ, память котораго благословляется человѣчествомъ, предвидѣлъ это. 5-го августа 178 года Маркъ-Аврелий оставилъ вмѣстѣ съ своимъ сыномъ Римъ, отправляясь на Дунай, где еще продолжалась война съ квадами. Императоръ былъ ужъ боленъ и по нѣсколько дней ничего не могъ есть отъ боли желудка. Наконецъ въ марте 180 года (въ своей главной квартирѣ, на мѣстѣ нынѣшней Вѣны) онъ слегъ, чувствуя уже приближеніе конца. Онъ привѣтствовалъ смерть какъ избавленіе; плачущіе друзья окружили его ложе.

— О чемъ плачете? спросилъ онъ ихъ—позаботьтесь о томъ, чтобы спасти армію; я только предшествую вамъ; будьте счастливы!

Его спросили, кому онъ ввѣряетъ своего семнадцатилѣтняго сына. Мучителенъ былъ для него этотъ вопросъ, но онъ спокойно отвѣтилъ:

— Вамъ, если онъ окажется того достойнымъ, и бессмертнымъ богамъ.

Армія, съ которой онъ провелъ нѣсколько лѣтъ, была неутѣшна,—она обожала Марка-Аврелия и боялась Коммода. Императоръ собрался съ силами и поднялся съ своего ложа, чтобы въ послѣдній разъ представить сына арміи.

Нѣсколько часовъ спустя Маркъ-Аврелий скончался; его тѣло было отвезено траурнымъ легіономъ въ Римъ и тамъ опущено въ мавзолей Адріана; Римъ оплакивалъ его; любовь къ нему была такъ велика, что о немъ каждый жалѣлъ, какъ о членѣ собственной семьи, а во время похоронныхъ празднествъ народъ, при общихъ кликахъ, признавалъ его богомъ, обѣявивъ нечестивцамъ всякаго, кто не будетъ имѣть въ своемъ домѣ его изображенія. И его статуэтки заняли мѣсто среди домашнихъ боговъ. И теперь еще лучшихъ государей сравниваютъ нерѣдко съ императоромъ-философомъ Маркомъ-Аврелиемъ.

Малайскій кинжалъ.

Разсказъ Г. Гиршфельда.

Двое мужчинъ о чёмъ-то оживленно или, лучше сказать, горячо спорили между собою въ рабочемъ кабинетѣ г. фонъ-Элькенроде. Старшій изъ нихъ, высокаго роста и аристократическаго вида, былъ владѣлецъ замка, г. фонъ-деръ-Линденъ-Элькенроде, принадлежавшій къ числу богатѣйшихъ землевладѣльцевъ провинціи; другой же, молодой человѣкъ лѣтъ за двадцать, съ добродушнымъ, но нѣсколько поблекшимъ лицомъ—двоюродный братъ и вѣроятный наслѣдникъ Элькенроде, лейтенантъ Эвальдъ фонъ-деръ-Линденъ, который недавно вышелъ въ отставку, чтобы посвятить себя сельскому хозяйству.

Оба родственника составляли поразительный контрастъ: насколько отставной офицеръ былъ веселъ, подвиженъ, впечатлителенъ, настолько Элькенроде казался, напротивъ, серьезнымъ и сдержаннѣмъ. Какая-то грустная тѣнь лежала на его худощавомъ лицѣ, заканчивавшемся узкой бородой темно-блѣдурально оттѣнка, какъ и волосы на головѣ. У этого богатаго, надѣленнаго всевозможными благами человѣка, очевидно, было какое-то тайное страданіе, которое онъ выносилъ твердо и съ покорностью.

Онъ только что отвѣтилъ рѣшительнымъ „нѣть“ на просьбу, съ которой къ нему обратился кузенъ, вслѣдъ зачѣмъ наступила короткая пауза; но бывшій офицеръ вскорѣ заговорилъ вновь.

— Сознаю, Альвинъ, что я былъ неправъ, мнѣ не слѣдовало опять увлекаться игрой, послѣ того, что ты, всего нѣсколько мѣсяціевъ назадъ, заплатилъ за меня долгъ чести, а я далъ тебѣ обѣщаніе исправиться. Но, вѣдь, ты знаешь, Альвинъ, что я—дитя минуты, и какъ только очужусь среди яркаго освѣщенія лампъ, услышу хлопанье пробокъ шампанскаго и звонъ золота—самъ не свой, не могу устоять; однако, все таки, попытаюсь, непремѣнно попытаюсь исправиться, а потому—будь добръ, Альвинъ, выручи меня еще разъ, ты же знаешь, у меня состоянія нѣть и я завишу отъ тебя.

Повидимому, однако, молодой человѣкъ выбралъ для своей просьбы дурную минуту, такъ какъ лицо Элькенроде оставалось мрачно.

— Я очень жалѣю, что заставилъ тебя отказаться отъ военной карьеры, Эвальдъ, отвѣчалъ онъ съ явнымъ недружелюбіемъ въ тонѣ,—я надѣялся найти въ тебѣ товарища, сожителя въ моемъ уединеніи, думалъ сдѣлать изъ тебя сельскаго хозяина, который продолжалъ бы начатое мною, къ благу моихъ людей; вижу теперь, что обманулся. Не ставлю тебѣ, молодому человѣку, которому самъ далъ блестящее положеніе, не ставлю тебѣ въ укоръ жизненныхъ удовольствій—и я былъ тоже молодъ; но съ грустью вижу, что ты и не можешь, и не желаешь выполнить задачи, приготовленной было мной для тебя, а также вижу, что ты „теперешнее“ пребываніе свое тутъ какъ бы считаешь необходимой платой за ожидающее тебя въ скоромъ времени наслѣдство.

— Альвинъ! воскликнулъ Линденъ, все лицо котораго всыхнуло густымъ румянцемъ,—ты меня будто не знаешь, ты оскорбляешь меня!

— Ни то, ни другое, Эвальдъ, возразилъ баронъ спокойно,—

я хорошо знаю твою натуру, хорошо знаю, что въ ней нѣть ничего дурнаго, ничего лживаго, но зато, ты подчиняешься вполнѣ каждому впечатлѣнію, первой же минутѣ увлеченія,—и неужели я долженъ передать въ руки такого наслѣдника всѣ мои богатства, имѣнія и благосостояніе сотенъ людей?

Онъ замолчалъ, лицо его приняло выраженіе глубокаго страданія.

— Желаю, чтобы этотъ день наступилъ еще не скоро, Альвинъ, тихо произнесъ Эвальдъ, но баронъ съ волненіемъ перебилъ его:

— Я увѣренъ, Эвальдъ, что ты часто готовъ пожертвовать своею жизнью, чтобы только избавить меня хоть отъ лишняго часа страданія, но, съ другой стороны, мое знаніе людей говоритъ мнѣ, что не разъ, въ глубинѣ своего сердца, ты желалъ бы скорѣе достигнуть цѣли. Несомнѣнно, что ты не хотѣлъ моей смерти, но приди она...

Легкій стукъ въ дверь прервалъ рѣчь Элькенроде, раскраснѣвшагося подъ вліяніемъ охватившаго его возбужденія, сильный кашель помѣшалъ ему продолжать. По его знаку, Эвальдъ крикнулъ „войдите“ и на порогѣ показался стариkъ, маленькаго роста, съ сѣдыми и серебристыми, коротко-остриженными волосами и свѣжимъ, умнымъ лицомъ, одѣтый весь въ черное, вплоть до самаго бѣлаго воротничка и жабо. То былъ Мартынъ Бенкендорфъ, старый, вѣрный камердинеръ барона.

— Вотъ единственный, кто обо мнѣ искренно пожалѣвъ когда нибудь, не такъ ли, старина? сказалъ Элькенроде.

— Господинъ баронъ опять сегодня въ очень грустномъ настроеніи, проговорилъ Мартынъ тономъ старого слуги, имѣющаго высказывать свое мнѣніе,—надо быть повеселѣе въ такой прекрасный осенний день, да еще и въ ожиданіи гостей. Г-нъ фонъ-Люнингъ только что прислалъ своего человѣка съ извѣстіемъ, что такъ какъ онъ себя чувствуетъ лучше, береть свой отказъ назадъ и непремѣнно приѣдетъ. Я очень радъ этому, потому что г. баронъ всегда доволенъ посѣщеніемъ г. фонъ-Люнинга. А до его приѣзда г. барону не мѣшало бы поберечься,—я только что слышалъ сильный кашель, г. фонъ-деръ-Линденъ вѣдь знаетъ, что докторъ совѣтуетъ барину избѣгать всякихъ излишнихъ разговоровъ и волненій!

Съ этими словами Мартынъ обратилъ на бывшаго лейтенанта укоризненный взглядъ своихъ ясныхъ, голубыхъ глазъ, взглядъ, сконфузившій, но не разсердившій добродушнаго Эвальда.

— Не я виноватъ въ томъ, Мартынъ, возразилъ онъ,—а раздражительность, въ которой находился братъ; знай, я, насколько неудобна минута, выбранная мною для моей маленькой просьбы,—я бы подождалъ, хотя она и не терпитъ отлагательства.

— Въ этой просьбѣ я тебѣ отказываю рѣшительнымъ образомъ, рѣзко воскликнулъ Альвинъ,—не желаю, чтобы мнѣ прішлося себя самого обвинять въ слабости; обратись-ка къ такимъ называемымъ „друзьямъ“, которые съ векселькомъ такъ нетерпѣливо ждутъ для тебя наслѣдства.

Эвальдъ фонъ-деръ-Линденъ поблѣднѣлъ, стараясь, однако, упрямо скрыть свое замѣшательство.

— Кто это говорить? воскликнул онъ,—да развѣ меня кто нибудь, какъ мальчишку, контролируетъ въ каждомъ шагѣ?

— Не думаю, чтобы ты могъ заподозрить въ этомъ меня, зная мои взгляды на достоинство мужчины и на правила чести, разразилъ баронъ;—то, что я тебѣ говорю, написано въ письмѣ, полученному мною вчера отъ извѣстнаго тебѣ ростовщика, Гирша, вѣроятно недовольна за то, что ты отдалъ предпочтеніе не ему, а какому нибудь его собрату.

Молодой человѣкъ колебался съ минуту, въ немъ заговорило желаніе помириться съ двоюроднымъ братомъ, добиться его прощенія, но онъ вдругъ поднялся и сказалъ коротко и рѣшительно:

— Ты слишкомъ возбужденъ для того, чтобы продолжать нашъ споръ, оставимъ до другаго раза, но пока—одно послѣднее слово: могу ли разсчитывать на удовлетвореніе моей просьбы?

— Ты меня, я думаю, знаешь! раздраженно отвѣтилъ баронъ.

— Въ такомъ случаѣ мнѣ приходится искать другаго выхода, и—не прибавивъ ни слова, Эвальдъ вышелъ.

Баронъ закрылъ лицо своей тонкой рукой, на которой блестѣлъ дорогой солитеръ; глубокій, страдальческій вздохъ вырвался изъ его груди.

— Господинъ баронъ были черезчуръ суровы! произнесъ послѣ некоторой паузы Мартынъ, какъ бы говоря съ самимъ собой.

— Да? сказалъ Альвинъ фонъ-Элькенроде, отнимая руку отъ глазъ, между которыми обрисовалась рѣзкая морщина, и безсильно опускаясь въ стоявшее передъ письменнымъ столомъ кресло,—если это такъ, то я очень доволенъ, Мартынъ, что заставилъ себя быть, наконецъ, суровымъ,—продолжалъ онъ,—до сихъ поръ я оказывалъ Эвальду слишкомъ много снисходительности и теперь я иначе за свою слабость; на него я смотрѣлъ, какъ на своего сына, я желалъ въ немъ найти счастье, которое небо отказалось мнѣ, но теперь вижу, что я шелъ противъ природы—Эвальдъ—только мой наслѣдникъ, не болѣе.

Старикъ подошелъ ближе къ своему господину.—О нѣть, господинъ баронъ, сказалъ онъ,—вы выказали все благородство своего сердца, отказавшись отъ супружескаго счастья только потому, что считали себя неизлечимо болѣйшимъ, а когда, затѣмъ, желая положить конецъ своему одиночеству, вы приняли къ себѣ юнаго родственника вмѣсто сына,—то въ этомъ не было никакого сопротивленія волѣ Всемогущаго. Помните также и то, что Всемогущій есть, въ то же самое время, и Всемилосердый,—заключилъ онъ взволнованнымъ голосомъ,—докторъ очень доволенъ состояніемъ вашего здоровья, вы теперь крѣпче, нежели прежде, и кто знаетъ...

— Мартынъ! угрожающимъ тономъ воскликнулъ баронъ,—прервавъ старика,—еслиъ я не зналъ тебя и не былъ увѣренъ въ твоей преданности, то принялъ бы эти слова за грубую лесть; мнѣ извѣстна моя судьба,—продолжалъ онъ мягче,—грудная болѣзнь, которую я страдаю—уже въ теченіе нѣсколькихъ поколѣній наслѣдственная въ нашемъ домѣ,—конечно, во всей своей силѣ, она, часто, обнаруживается только уже въ болѣе старомъ возрастѣ. Такъ было, напримѣръ, съ моимъ отцемъ, сдѣлавшимся жертвой болѣзни лишь послѣ своего счастливѣйшаго супружества; такъ было бы, вѣроятно, и со мной, еслиъ не неосторожность нянки, давшей недугу развиться во мнѣ еще въ дѣтствѣ; моя жизнь поддерживается и продержится, можетъ быть, дальше искусственно, благодаря усиленіямъ науки и принимаемымъ мною предосторожностямъ, но я никогда не рѣшусь привязывать къ этой страдальческой жизни любящія и любимыя существа, для того, чтобы заставить ихъ испытывать ежеминутный страхъ разставанія, чтобы имъ, вмѣстѣ съ богатствомъ, передать и мою болѣзнь,—никогда я не рѣшусь на это! И я не такъ ужъ несчастливъ, Мартынъ, съ тѣхъ поръ, что научился терпѣть свою долю,—закончилъ онъ,—я стараюсь находить развлечениія,—прибавилъ баронъ,—дружба и искусство облегчаютъ мнѣ тяжесть страданій и только одна мысль меня печалитъ; это—мысль объ Эвальдѣ! Что будетъ съ нимъ, когда онъ сдѣлается совершенно самостоятельнымъ, если уже и теперь онъ не умѣеть противиться ни малѣйшему искушенію?

— Господинъ лейтенантъ, въ сущности—человѣкъ съ хорошимъ, добрымъ сердцемъ,—сказалъ старикъ,—и любить васъ всей душой; онъ грѣшить по легкомыслию, а не изъ желанія дѣлать дурное и какъ только онъ познакомится съ серьѣзной стороной жизни, то перемѣнится, въ этомъ я увѣренъ.

— Эвальдъ всегда имѣлъ въ тебѣ краснорѣчиваго защитника, старина; а все таки я думаю, что, можетъ быть, моя суровость, какъ ты называешь это, послужить ему урокомъ.

— Едва ли, господинъ баронъ, разразилъ старикъ, покачавъ головой; боюсь, что вы его раздражили, а вѣдь, я его знаю съ дѣтского возраста.

Баронъ сдѣлалъ нетерпѣливый жестъ рукой.

— Довольно обѣ этомъ. Я хочу отдохнуть съ полчаса; разбуди меня, когда пріѣдутъ гости.

Эвальдъ фонъ-деръ-Линденъ злился въ своей комнатѣ. Избалованный юноша, подавляя, съ ребяческимъ упорствомъ, сознаніе собственной вины, твердилъ досадливо только одно: Помоги мнѣ Альвинъ теперь—это было бы въ послѣдній разъ, навѣрное; но ужъ если строгій родственникъ такъ жестоко отказалъ ему,—пусть самъ и винить себя въ томъ, что Линденъ еще

болѣе запутается въ сѣти ростовщиковъ. Долго злился и раздражалъ себя молодой человѣкъ въ своемъ уединеніи; наконецъ, на дворѣ послышался шумъ вѣзжавшихъ экипажей и Эвальдъ, заставивъ себя принять веселый видъ, послѣшилъ къ прибывшимъ гостямъ, которыхъ уже встрѣчалъ баронъ, поднятый Мартыномъ.

Вскрѣ, въ богатой и ярко освѣщенной столовой замка Элькенроде, собралось общество человѣкъ изъ двѣнадцати. За ужиномъ царствовалъ веселый, непринужденный тонъ, и Альвинъ, довольно бодрый теперь, несмотря на недавно испытанное имъ волненіе, отъ души смеялся шуткамъ остроумнаго сосѣднаго помѣщика фонъ-Люнинга.

Альвинъ, по своему обыкновенію, пилъ очень мало, зато Эвальдъ, напротивъ, осушалъ стаканъ за стаканомъ; молодой человѣкъ силился найти въ винѣ забвеніе терзавшей его заботы, стараясь не отставать отъ настроенія остальныхъ, но его веселость была до такой степени явно вынужденной, что тайное раздраженіе, просившееся противъ его воли наружу, вскорѣ было замѣчено всѣми. Ужинъ окончился, слуги удалились, чтобы не мѣшать господамъ; и только Мартынъ, отъ времени до времени, показывался въ залѣ, навѣрху—не будѣтъ ли какихъ приказаний.

Странное настроеніе Эвальда нѣсколько разъ подало поводъ къ подтруниванію. Альвинъ фонъ-Элькенроде отлично зналъ причину дурнаго расположенія духа своего двоюроднаго брата; внутренно жалѣя Эвальда, онъ, тѣмъ не менѣе, твердо рѣшился не выказывать слабости и принудить своего баловня пройти черезъ то, что считалъ хорошимъ урокомъ.

Тосты слѣдовали за тостами, каждый предлагалъ какъ умѣль, гости пили въ честь хозяина, хозяинъ—въ честь гостей; Альвинъ, воспользовавшись появлениемъ Мартына, предложилъ выпить здоровье этого вѣрнаго, хорошо извѣстнаго всѣмъ собравшимся, слуги, службѣ котораго въ домѣ Элькенроде, какъ разъ тотъ самый день, минуло сорокъ восемь лѣтъ. Шумно и радостно были осушены стаканы за здоровье честнаго Мартына Бенкендорфа, тронутаго до слёзъ этой почтостью.

Прерывающимся отъ волненія голосомъ началъ старикъ свою благодарственную рѣчь, но веселый острякъ фонъ-Люнингъ, побоявшись обычной словоохотливости старыхъ людей и желая избавить отъ нея гостей, послѣшилъ прервать Мартына:

— Ну, хорошо, хорошо, Мартынъ, мы отдаемъ справедливость твоей скромности, преданности и усердію и не забыли, какъ ты нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, желая угодить своему господину, обѣхалъ всю Германію, чтобы найти для коллекціи оружія барона малайскій ножъ.

Что-то дрогнуло въ лицѣ старого слуги; онъ, какъ будто, напрревался отвѣтить, но удержался и, глубоко поклонившись, вышелъ илъ залы, гдѣ ему нечего было болѣе дѣлать, такъ какъ господа поднимались уже изъ-за стола, чтобы перейти въ другія комнаты.

— Еще минуту! сказалъ графъ Эренбахъ, обращаясь къ барону, готовившемуся уже подать знакъ выходить изъ-за стола,—я слышалъ обѣ этомъ, скажите—развѣ, въ самомъ дѣлѣ, вамъ удалось найти и продавца, и его драгоцѣнность?

— Я пріобрѣлъ этотъ ножъ, отвѣтилъ Альвинъ,—и, какъ другъ Люнингъ сейчасъ вамъ говорилъ, пріобрѣлъ, благодаря неутомимому усердію моего Мартына. Уже издавна, въ коллекціи оружія этого замка находился одинъ изъ странныхъ отравленныхъ змѣевидныхъ малайскихъ кинжаловъ, называемыхъ „крихами“, причиняющими смерть при малѣйшей нанесенной имъ ранѣ. Онъ былъ привезенъ моимъ дѣдомъ изъ дальн资料 путешествія и не разъ испытывалъ онъ его на различныхъ животныхъ. Однако, съ теченіемъ времени, повидимому, сила яда ослабла—попытка отца убить этимъ ядомъ одного звѣря не удалась. Съ тѣхъ поръ ножъ не вынимался изъ трофеиной группы оружейной залы; отцу очень желалось имѣть второй экземпляръ, но онъ такъ и не осуществилъ своего желанія, а что касается меня самого, то частью болѣзнь, частью иныхъ обстоятельства какъ-то всегда мѣшали мнѣ обратить на этотъ предметъ болѣе серьезное вниманіе. Но менѣе, чѣмъ девять мѣсяцевъ спустя, мое желаніе должно было выполниться совершенно неожиданнымъ образомъ. Около этого времени я только что излечился отъ очень трудной болѣзни и такъ какъ отечественный воздухъ былъ слишкомъ суровъ для моихъ ослабѣвшихъ легкихъ, то доктора предписали мнѣ отправиться въ Италию. Хотя я и понималъ необходимость, но, все таки, съ большой неохотой оставилъ Элькендорф; предстоявшее путешествіе, нѣкоторые безпорядки, происшедшіе въ хозяйствѣ во время моей болѣзни, все это привело меня въ раздражительность, отъ которой приходилось терпѣть всѣхъ окружающихъ и даже моему вѣрному Мартыну. Въ одну изъ такихъ мрачныхъ минутъ, еще болѣе мрачную подъ влияніемъ холодного дождливаго дня, Мартынъ, желая, конечно, разсѣять меня, пріѣхалъ доложить, что какой-то иноzemный торговецъ, явившійся съ различными рѣдкостями, просить дозволенія показать мнѣ свои лучшіе экземпляры. Я далъ разрѣшеніе и велѣлъ его ввести; то былъ индіецъ, котораго превратности судьбы забросили въ Германію; товаръ его состоялъ, по большей части, изъ самыхъ обыкновенныхъ произведеній его отечества и я, не ви-

рая на просительное выражение лица Мартына, продолжавшего топтаться в комнате, отказался купить что либо, более еще и потому, что мнѣ не понравилась довольно дерзкая манера торговца, разочаровавшагося в своей надеждѣ сдѣлать со мной выгодное дѣло. Индіецъ, увидѣвъ, что ни одна изъ его вещей не привела меня въ восторгъ, досталъ небольшой ящичекъ и осторожно открылъ его, съ неменьшей осторожностью, вынувъ оттуда крихъ, совершенно похожий на тотъ, который находился въ моей коллекціи и принадлежалъ ему расхваливать, объясняя, что добылъ его самъ на Малайскихъ островахъ и что ничтожнѣйшее пораненіе этимъ оружіемъ можетъ повести за собой смерть, до такой степени оно было прошито ядомъ.

Я, конечно, очень желалъ пріобрѣсть второй экземпляръ оружія и, какъ ни старался затаить въ себѣ это желаніе, но хитрый индіецъ сумѣлъ прочесть его въ моемъ лицѣ и, потому, запросилъ такую сумму, что заставилъ меня расхохотаться, но, затѣмъ, его упорство и сдѣланное имъ замѣчаніе, что мои колебанія могутъ еще болѣе возвысить стоимость, окончательно вывели меня изъ себя и я рѣзко велѣлъ ему убираться вонъ; по знаку Мартына, индіецъ удалился въ безмолвномъ г҃ѣ. Я старался не думать болѣе объ этомъ происшествіи, тѣмъ болѣе, что чрезъ три дня сбирался ужеѣхать, но въ своей болѣзни нервиности никакъ не могъ отдѣлаться отъ мысли о рѣдкомъ оружіи, которое, послѣ столь долгихъ ожиданій, далось было мнѣ въ руки и, потомъ, опять безследно исчезло. Мною овладѣло страстное желаніе во что бы то ни стало имѣть кинжалъ; теперь я раскаивался, что не далъ индіецу требовавшихъ имъ денегъ и послалъ моего Мартына,—единственного, кому могъ вѣбрить все, — ближайшій городъ, гдѣ, какъ я думалъ, торговецъ еще лежалъ на находиться. Но старики возвратили мнѣ сѣть чѣмъ. Иноземецъ скрылся совершенно и нигдѣ нельзя было не только найти его, но и узнать—куда онъ могъ направиться. Наступилъ день моего отѣзда и я утромъ еще получиль отъ индійца, изъ одного маленькаго тюрингенскаго городка, письмо, въ которомъ тотъ вновь предлагалъ мнѣ купить оружіе. На этотъ разъ я уже не медлилъ и не колебался ни минуты и тотчасъ же отправилъ Мартына, съ порученіемъ купить вещь за какая бы ни было деньги. Въ тотъ самый день, что я выѣхалъ съ Эвальдомъ въ Италию, оставилъ Элькенроде и Мартынъ. Онъ нашелъ торговца въ тюрингенскомъ городкѣ, гдѣ его задержала болѣзнь; вѣроятно индіецъ находился въ нуждѣ, такъ какъ мой слуга купилъ кинжалъ далеко не такъ дорого и, по моемъ возвращеніи, я нашелъ крихъ уже въ трофейной группѣ, по другую сторону отъ прежняго.

— Принеслось ли вамъ когданибудь испытать его? спросилъ г. фонъ-Люнингъ.

— Да—по настоятельной просьбѣ Мартына, отвѣтилъ Элькендоре—когда надо было сократить страданія Альманзора, моего великодушнаго арабскаго жеребца, который, при паденіи, получилъ смертельную рану. Мартынъ чувствуетъ какой-то неизъясненный страхъ къ этому оружію и почти насильно принудилъ меня оставить кинжалъ на старомъ мѣстѣ; я же не желалъ огорчать его.

Между гостями завязался оживленный разговоръ, на тему объ оружіи нецивилизованныхъ народовъ. Альвинъ молча слѣдилъ за споромъ, Эвальдъ же не принималъ въ немъ никакого участія. Большое количество выпитаго имъ вина не отогнало отъ него гнетущей мысли о сдѣланномъ имъ долгѣ, и о принятой имъ на себя обязанности, о томъ, что онъ не можетъ выполнить ея, безъ ущерба своей чести. Между тѣмъ, некоторые изъ гостей выразили желаніе осмотрѣть галлерею замка, гдѣ находилась коллекція оружія, образованная родомъ этнографическаго музея; владѣлецъ замка охотно и съ удовольствіемъ поднялся съ своего мѣста, чтобы вновь показать пріятелямъ драгоценности Элькенроде.

— Оружейная зала—тутъ поблизости, сказалъ онъ и, затѣмъ, впервые въ этотъ вечеръ обращаясь къ двоюродному брату, указалъ ему на стоявшій на темномъ мраморномъ каминѣ бронзовый, артистической чеканки канделябръ, произнесъ: если ты будешь такъ добръ, чтобы посвѣтить намъ, такъ мы обойдемся и безъ людей для этого непродолжительного путешествія.

Молодой человѣкъ безмолвно взялъ массивный канделябръ и пошелъ впереди общества, которое, пройдя нѣсколько залъ и меньшихъ комнатъ, достигло оружейной залы. То была продолговатая, выложенная деревомъ комната, украшенная большими, въ натуральную величину, портретами предковъ дома Линденъ-Элькенроде; въ промежуткахъ между портретами, было развѣшано оружіе и различные трофеи, частью добытые въ старицу въ битвахъ, частью—во времена уже повѣнія—пріобрѣтенный промѣнъ или покупкой.

Канделябръ, который держалъ Эвальдъ фонъ-деръ-Линдентъ, слабо освѣщалъ залу; рука Эвальда дрожала, какъ бы подъ тяжестью канделябра, его походка была неувѣренна. Только теперь замѣтилъ отставной лейтенантъ, что вышилъ вина болѣе, чѣмъ его, не совсѣмъ крѣпкая, натура могла вынести. Въ болѣе прохладномъ воздухѣ оружейной кровь прихлынула къ его вискамъ и онъ почувствовалъ тяжесть въ головѣ и ногахъ.

Общее вниманіе гостей обратилось къ предмету, который привлекъ ихъ сюда; остановились предъ группой турецкаго оружія, гдѣ висѣли и оба малайскіе кинжала; первый крихъ со-

вершенно уже заржавѣлъ; напротивъ—гладкая сталь другаго, новѣйшаго, вполнѣ схожаго съ прежнимъ, отливалась при свѣтѣ канделябра какимъ-то багрово-кровавымъ блескомъ.

Крихи висѣли довольно высоко, такъ что ихъ не легко было достать съ ихъ мѣста. Альвинъ фонъ-Элькенроде стоялъ около самого трофея, Эвальдъ—въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, такъ что гости и оба родственника составляли полукругъ; глаза всѣхъ были обращены въ высоту, по направлению къ интересовавшему ихъ оружію. Въ числѣ приглашенныхъ находились и знатоки; никто не сомнѣвался въ подлинности криховъ, за исключениемъ графа Эренбаха, не раздѣлявшаго, повидимому, мнѣнія прочихъ.

Свѣтъ канделябра упалъ на лицо Альвина, казавшееся, въ этотъ день, свѣжимъ и цвѣтующимъ, безъ малѣйшаго признака обычной ему болѣзnenности. Невольно заглядѣлся Эвальдъ на двоюроднаго брата; никогда не видаль онъ его такимъ рыцарски, такимъ аристократически величавымъ и прекраснымъ. Какъ же могъ этотъ человѣкъ считать себя неизлѣчимо больнымъ, заранѣе обреченнымъ на смерть? Не было ли то у него притворство? Нѣть, Альвинъ фонъ-Элькенроде могъ еще долго жить и, даже, стать отцомъ здоровыхъ дѣтей—но что же тогда будетъ съ нимъ, Эвальдомъ? Холодный потъ выступилъ у него на лбу при этой мысли. Никогда не завидовалъ онъ своему кузену, никогда не желалъ ему смерти—и только въ этотъ вечеръ, впервые, когда мрачное настроеніе его духа сдѣлалось, вслѣдствіе возліяній, еще мрачнѣе, только теперь впервые почувствовалъ онъ нѣчто въ родѣ ощущенія зависти. Еслиъ въ эту минуту онъ, а не Альвинъ, составлялъ средоточіе этого избраннаго круга, еслиъ онъ стоялъ на мѣстѣ владѣльца маюрана Элькенроде, которому все кланялось, въ которомъ все захаживало!

То была не хорошая минута въ жизни Эвальда фонъ-деръ-Линденъ. Въ его головѣ внезапно мелькнула мысль, родившаяся въ добромъ и благородномъ по природѣ человѣкѣ только подъ вліяніемъ давніей непріятной сцены. Ну а еслиъ случайно смертоносное оружіе сорвалось и упало прямо на стоявшаго подъ нимъ человѣка, еслиъ произошло несчастіе?.. Эвальдъ не былъ въ силахъ слѣдовать за своей мыслью, онъ почти слышалъ биеніе собственнаго сердца, удары пульса. Между барономъ Альвиномъ и графомъ Эренбахомъ завязался разговоръ и легкій споръ. Серъезный, ясный взглядъ Альвина встрѣтился съ взглядомъ кузена. Еслиъ этотъ сердцевѣдъ прошелъ въ душѣ молодаго человѣка? Эвальдъ не могъ смотрѣть въ глаза Элькенроде, онъ опустилъ свои внизъ.—Альвинъ протянулъ правую руку, съ цѣлью, чтобы осторожно достать оружіе, взявши за рукоятку.

— Посвѣти немного повыше, Эвальдъ, клинокъ онъ кузену, съ явнымъ усилемъ старался вытащить кинжалъ изъ кожанаго перехвата, въ который онъ былъ вложенъ.

Точно пробужденный, голосомъ барона, отъ глубокаго сна, молодой человѣкъ ступилъ къ нему, высоко поднявъ канделябръ, но—нога его поскользнулась на гладкомъ полу галлереи, тяжелый канделябръ выкатился изъ рукъ и самъ онъ со всего размаха наткнулся на Альвина, котораго, своею тяжестью, заставилъ податься нѣсколько въ сторону. Въ ту же минуту какой-то металлический предметъ, со звономъ, упалъ сверху на полъ.

На мгновеніе зала погрузилась въ полнѣйшій мракъ, но гости тотчасъ же поспѣшили зажечь спички. Г. фонъ-Люнингъ поднялъ лежавшій у его ногъ канделябръ и графъ Эренбахъ тотчасъ же засвѣтилъ его. Только тогда увидѣли гости блѣдныя, разстроенные лица другъ друга и побѣлѣвшее отъ ужаса лицо Эвальда, дрожавшаго всѣмъ тѣломъ и имѣвшаго видъ преступника послѣ совершенного имъ дѣянія; въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него стоялъ Альвинъ; черты его были страшно исказены, изъ вытянутой въ сторону правой руки струились капли крови.

— Великій Боже, баронъ! вы ранены! крикнули испуганные голоса гостей.

— Я погибъ! глухо произнесъ Альвинъ, указавъ лѣвой рукой на лежавшій на полу предметъ. И теперь сияла кровавымъ блескомъ сталь малайскаго криха, скользнувшая по рукѣ Элькенроде въ то мгновеніе, когда его неожиданно толкнулъ Эвальдъ.

— Доктора, скорѣе за помощью! послышалось среди гостей; тотчасъ же было придвинуто одно изъ старинныхъ, съ высокой спинкой креселъ, въ которое усадили раненаго, болѣе потрясенаго нравственно, нежели физически, такъ какъ, въ сущности, рана оказалась не болѣе, какъ незначительнымъ порѣзомъ.

Нѣкоторые изъ присутствующихъ бросились за людьми; Альвинъ сдѣлалъ слабый жестъ лѣвой рукой и какая то усталая улыбка пробѣжала по его блѣднымъ губамъ.

— До ближайшаго доктора отсюда не менѣе часа, произнесъ онъ едва слышнымъ голосомъ,—пока онъ пріѣдетъ, все уже будетъ кончено. Я самъ виноватъ въ своей судьбѣ; ядъ этого кинжала смертеленъ, индіецъ при мнѣ прокололъ листъ камеднаго дерева и въ какой нибудь часъ времени оно все засохло. Мои минуты сочтены, позовите же мнѣ ими воспользоваться. Мнѣ надо сказать нѣсколько словъ двоюродному брату, будущему владѣльцу маюрана Элькенроде.

Гости безмолвно вышли из галереи; между тем во всем доме послышались движения и тут испуганных голосов. С минуту Эвальд продолжал стоять неподвижно на прежнем месте, как будто бы чуждый всему происходившему вокруг, но жизнь как будто внезапно возвратилась его членам, он быстро приблизился к Альвину и опустился на колени около его кресла.

— Альвинъ, Альвинъ, прости меня! Или мы будем оба живы — или ни один из нас! И схватив руку Элькенроде, он прижал ее к губам, съ намерением высосать яд, но раненный вырвал свою руку.

— Перестань! Какъ ни был суровъ голосъ барона, онъ не могъ скрыть внутреннее волнение — довольно и одной жертвы. Но твое раскаяние приходит слишком поздно, Эвальдъ! И прежде умѣлъ читать на твоемъ лицѣ, но не могъ думать, что бы злодѣйская мысль такъ быстро перешла въ злое дѣло.

— Альвинъ! громко вскрикнулъ Эвальдъ, — Альвинъ... неужели такое страшное подозрѣніе... неужели этотъ ужасный случай ты считаешь обдуманнымъ преступлениемъ?.. Альвинъ, я и такъ несчастливъ, безгранице несчастливъ, но только не думай этого, не думай, Альвинъ.

Краска радости выступила на блѣдномъ лицѣ барона.

— Эвальдъ — значитъ это только случай? Я никогда не болѣя смерти, но я вдвое легче умру бы, если бы знала, что твоя рука, твоя душа чисты въ этомъ дѣлѣ!

— Нѣтъ, Альвинъ, я неповиненъ. Злой рокъ заставилъ меня, опьяненного виномъ, поскользнуться. Всемогущій Богъ миѣ свидѣтель! Ты будешь спасенъ, ты будешь жить, чтобы видѣть мое исправленіе.

— Я желалъ для тебя испытанія, Эвальдъ, мягко возразилъ Альвинъ, — оно пришло и, надѣюсь тебя исцѣлить. Я чувствую какъ рана горитъ, чувствую ужасное изнеможеніе, я желаю проститься. Воинъ моего старого Мартына, впусти его, Эвальдъ, а также всѣхъ друзей и останься около меня!

Со слезами упалъ Эвальдъ на грудь своего двоюродного брата; когда нѣсколько секундъ спустя, онъ поднялся — то ребячески юный баловень счастія превратился уже въ мужчину; серіозная минута его переродила.

За дверьми ждали гости и сбѣжавшаяся сюда прислуга замка; всѣ они толпой вошли въ залу. Но впереди всѣхъ спѣшилъ Мартынъ. Онъ уже было улегся спать, когда вдругъ его разбудила страшная вѣсть. Быстро одѣвшись, онъ бросился къ барону.

— Раненъ! смертельно раненъ, вы говорите, воскликнула онъ въ необычайномъ волненіи, — мой господинъ, мой Альвинъ, где онъ, я долженъ его видѣть, его счасти...

— Мой старый Мартынъ, произнесъ Элькенроде, протягивая своему вѣрному слугѣ лѣвую руку, — не рана меня убиваетъ, а ядъ клинка, нанесшаго мнѣ ее; не даромъ ты боялся трогать съ мѣста малайскій книжалъ, который ты купилъ мнѣ у индійца; этотъ книжалъ сорвался и причинилъ мнѣ вѣрную смерть.

— Этотъ, вотъ? и Мартынъ бросилъ взглядъ на все еще лежавшее на полу малайское оружіе и его, всегда спокойное лицо сильно передернуло, — вы себя равили этимъ книжаломъ, мой дорогой господинъ? почти весело, переспросилъ онъ, — и, въ такомъ случаѣ Всемогущій спасъ васъ, и вы будете жить къ нашему общему счастію, потому что этотъ книжалъ — вовсе не книжалъ индійца и вотъ причина, по которой я васъ прошу не трогать его съ мѣста, гдѣ онъ находился!

— Мартынъ! и Эвальдъ едва не задушилъ старого слугу въ своихъ объятіяхъ; эта радость убѣдила Альвина въ искренности молодаго человѣка.

— Мартынъ! впервые строго обратился Элькенроде къ старику, — такъ я, значитъ, сыгралъ какую-то комедію предъ своими гостями? Ты меня обманулъ?

— Это былъ мой первый и единственный обманъ, который я позволилъ себѣ для благой цѣли, отвѣтилъ съ волненіемъ Мартынъ.

— А, да, понимаю, вставиъ г. фонъ Люнингъ, — ты не напѣшъ въ томъ городкѣ индійца и, желая угодить своему господину, вѣдѣль сдѣлать на заказъ подобный же экземпляръ, только, естественно, не отправленный?

— Нѣтъ, возразилъ Мартынъ, — я нашелъ индійца; онъ занялъ квартиру въ домѣ одного пожевщика, гдѣ и заболѣлъ горячкой; поэтому мнѣ и нельзя было немедленно жесторговатьсь съ нимъ, а пришлось ждать его выздоровленія; это могло продолжаться нѣсколько дней и я охотно согласился на сдѣланное мнѣ хозяйкой предложеніе поселиться на время въ ихъ семействѣ. Отца не было дома. Во всемъ домѣ царствовало, по-видимому, какое-то странное беззокойство. Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ узнать въ чёмъ дѣло; оказалось, что мужъ бѣдной женщины, у которой я остановился, былъ очень искусный оружейникъ; своей усердной работой онъ доставлялъ семью безбѣдное существование, но съ нимъ произошла бѣда: онъ помѣстилъ маленько сбѣреженіе у одного купца; негодай не только обманулъ его, похитивъ деньги бѣдняка, но, кроме того, еще заставилъ его поручиться, и теперь оружейнику приходилось платить, тогда какъ денегъ не было; попытка Каспара Валлера отсрочить время уплаты не привела ни къ чему и честной семьѣ грозила пищета и позоръ. Въ доказательство искусства своего мужа, хозяйка привнесла мнѣ показать его послѣднюю работу; я невольно вскрикнулъ отъ удивленія; предо мною, казалось, былъ малайскій книжалъ индійца, до того хорошо и удачно было подражаніе; когда же я, наконецъ, могъ переговорить съ индійцемъ, то онъ запросилъ двойную цѣну противъ прежней, въ виду открывшейся для него возможності сбыть книжалъ въ Англіи. Его грубое упраѣство возмутило меня и я прекратилъ съ нимъ переговоры; войдя въ комнату хозяевъ, я увидѣлъ Валлера и его семейство въ полнѣшемъ отчаяніи — все его надежды были окончательно разрушены и теперь несчастіе близилось къ ихъ дому! Въ головѣ моей блеснула мысль прийти къ нимъ на помощь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, удовлетворить желанію моего господина; половины моей суммы, которую жаждала ненасытная жадность безстыднаго торгаша, было совершенно достаточно для спасенія честныхъ и хорошихъ людей и, къ тому же, я возвращался не съ пустыми руками; едва я выговорилъ оружейнику свое предложеніе, какъ вся семья бросилась цѣловать мнѣ руки въ знакъ безпрѣдѣльной благодарности, но я объяснилъ имъ, что они должны благодарить моего господина, за него молиться Богу и просить о письменствѣ ему здоровья и долгой жизни. — Волненіе на минуту помѣшило ему говорить; у многихъ изъ слушателей глаза наполнились слезами, Альвинъ все еще сидѣлъ по прежнему блѣдныи и тяжело дыша. — И, — продолжалъ Мартынъ, — когда господинъ мой, еще въ дорогѣ узнувшій о покупкѣ малайскаго книжала, возвратился домой, и когда я увидѣлъ его необычайную радость, то не рѣшился разочаровывать его, такъ какъ доктора строго предписали ему избѣгать раздраженія; къ чему было бы говорить ему, что онъ владѣеть не настоящимъ книжаломъ индійца? Богъ — такъ думалъ я про себя — простить мнѣ этотъ невинный обманъ, первый въ моей жизни, да и мой баронъ тоже, когда я ему открою его въ настоящую минуту; но — она не приходила до сегодня.

— И все-таки — едва слышнымъ голосомъ произнесъ Альвинъ — и все-таки этотъ обманъ мнѣ трудно перенести, пошлите за докторомъ.

Больной безсильно опустился навзничь, съ нимъ сдѣлался обморокъ, вызванный сильнымъ волненіемъ.

Благодаря заботамъ и уходу преданнаго Мартына, которому усердно помогалъ и Эвальдъ (устроившій свое дѣло при помощи фонъ Люнинга), баронъ Элькенроде вышелъ изъ смертельной опасности; онъ прожилъ еще много лѣтъ и, къ своему счастью, уѣхалъ въ полнѣшій перемѣнѣ двоюроднаго брата, который, къ неменьшей его же радости, женился; вечеръ его жизни прошелъ, главнымъ образомъ, не въ уединеніи и, умирая, онъ благословилъ блѣлокураго, кудряваго мальчика, будущаго владѣльца маюрана Элькенроде, названаго своими родителями, въ честь барона, Альвина. Въ самый годъ кончины Альвина, за нимъ послѣдовалъ въ могилу и его вѣрный Мартынъ.

Глубоко чтуть Элькенроде и нынѣ память достойнаго человѣка, первого въ жизни обманъ котораго далъ счастіе и миръ дому его господина.

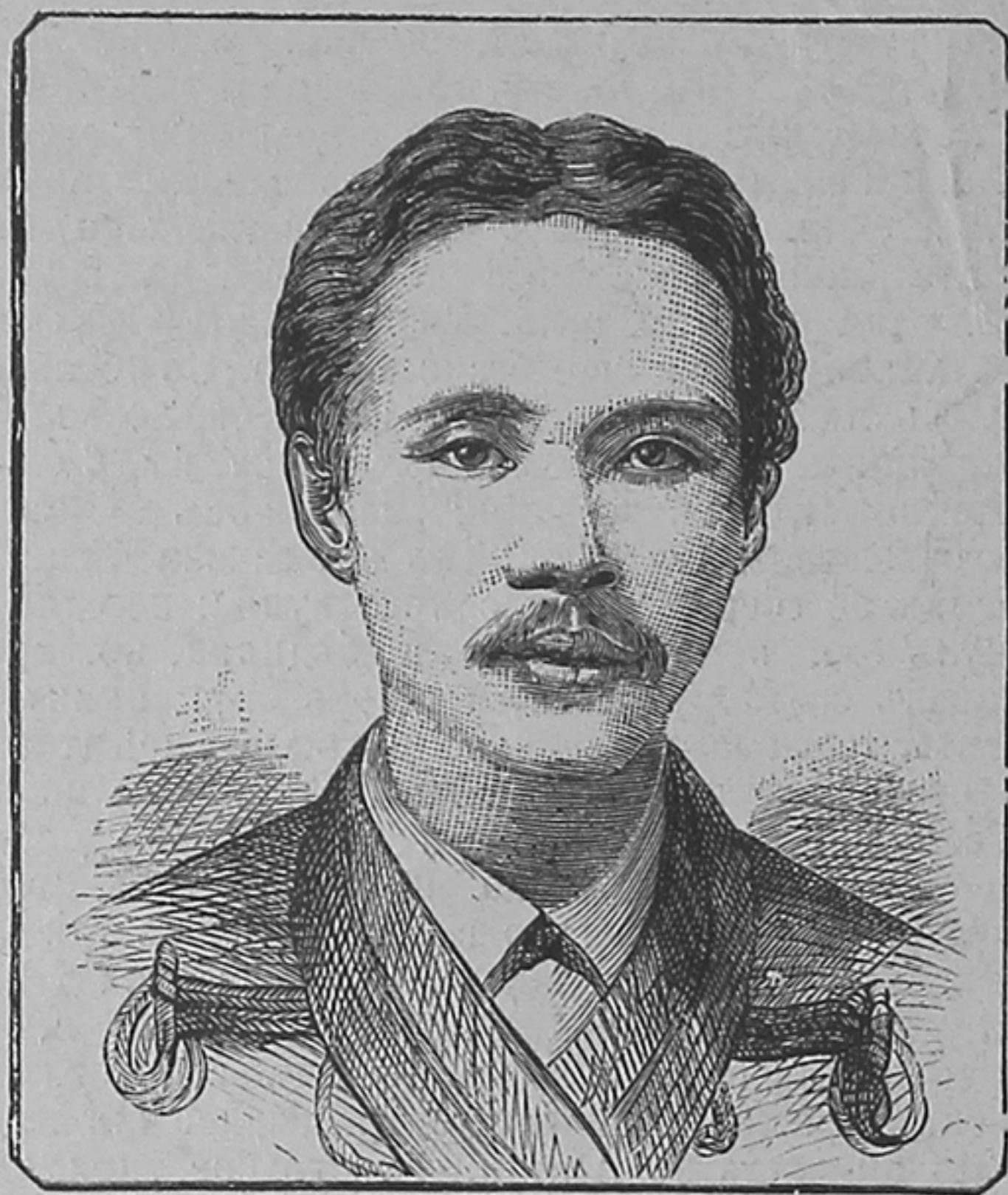
Къ рисункамъ.

Зимній видъ водопада Иматры.

(Рис. на стр. 436 и 437).

Среди суровыхъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ оригинальныхъ и эффектныхъ красотъ нашей финской природы — водопадъ Имагра, близъ Выборга, конечно, занимаетъ первенствующее мѣсто и по праву пользуется громкою известностью среди разнообразныхъ туристовъ, наѣжающихъ сюда толпами въ зѣрнѣ мѣсяцы. Зимой же туристъ — здесь чрезвычайная рѣдкость, хотя водопадъ не теряетъ своей красоты даже и въ эту пору озѣренія и смерти всей окружающей природы; зимою онъ также могущественно хорошъ, также бѣшено катитъ громадныя, бѣнистые волны и омыаетъ скалистые берега безконечнымъ дождемъ брызговъ. И это киуучее паденіе водопада, полное жизни и шума, составляетъ рѣзкій и въ высшей степени странный контрастъ съ мертвѣнностью окружающихъ его береговъ, по-

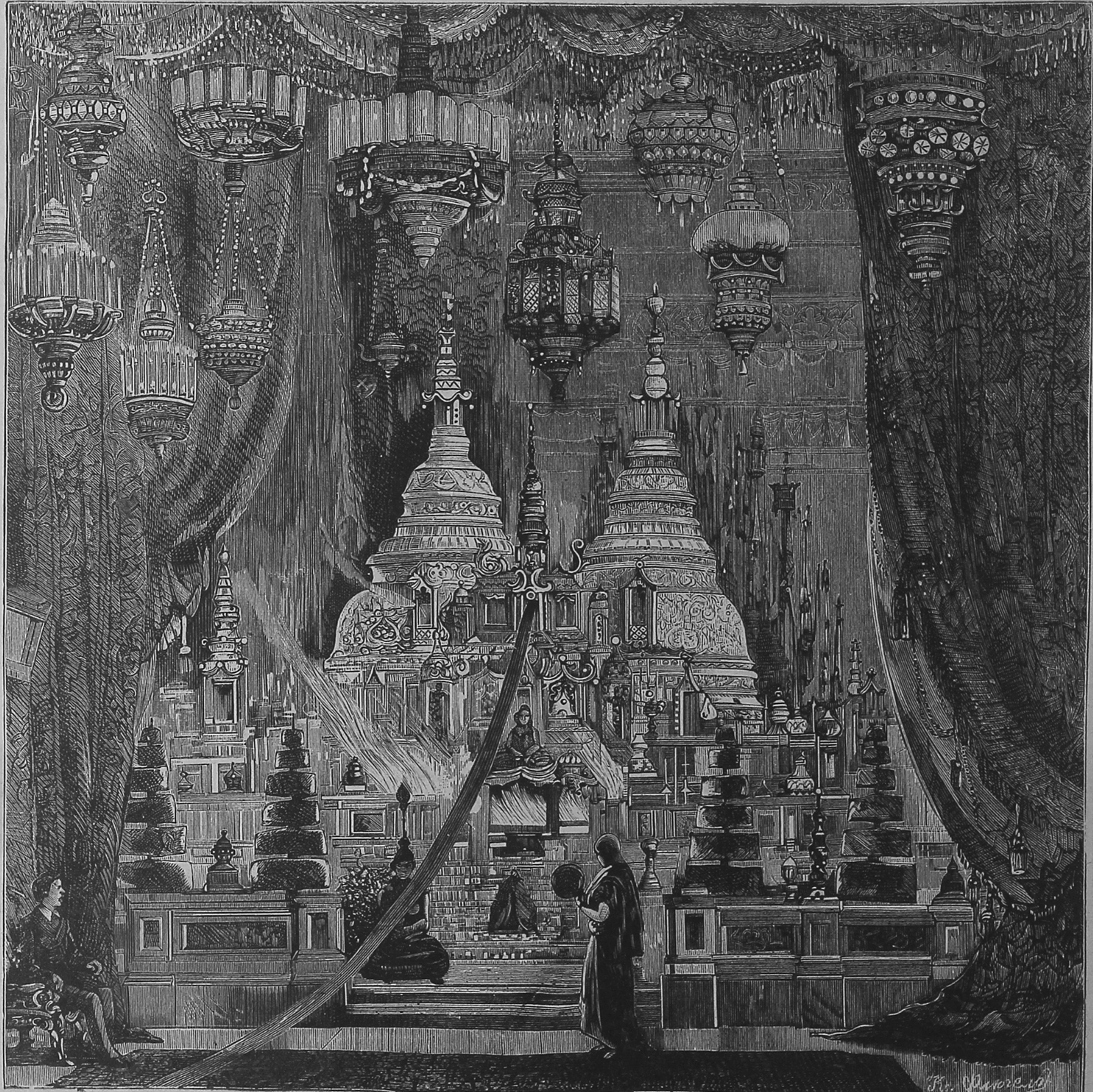
крытыхъ глубокимъ слоемъ снѣга и печальными елями, одѣтыми густымъ покровомъ ивеи. Туристъ, видѣвшій Иматру дѣломъ, пришелъ бы въ восторгъ отъ нея и зимой, и вынесъ бы отсюда совершенно новое впечатлѣніе, не уступающее въ грандиозности тому представленію, которое вообще составилъ объ этомъ живописномъ водопадѣ. Дѣйствительно, представьте себѣ рѣку, шириной почти въ Неву, которая на бѣгу своемъ изъ Саймы вдругъ сжимается въ узкомъ ущельѣ. Гонимая страшнымъ напоромъ воды, рѣка бѣшено чѣится на той наклонной тѣснинѣ, извиваясь среди громадныхъ валуновъ или перескакивая черезъ нихъ съ рожьи и скотомъ; едва ли растутъ, принимаютъ громадныя, фантастическія очертанія и прѣвращаются въ блѣснѣющую ильну; по этой узкѣй пропасти миновался, и рѣка на просторѣ, снова разливается, дѣлаетъ широкую, и покойно и тихо катитъ свои воды въ Ладожское озеро. Кто ожидаютъ отъ Иматры эффектнаго паденія массы воды съ

Кула-Лонгорнъ, Король Сиама. По фот. грав. Флюгель.

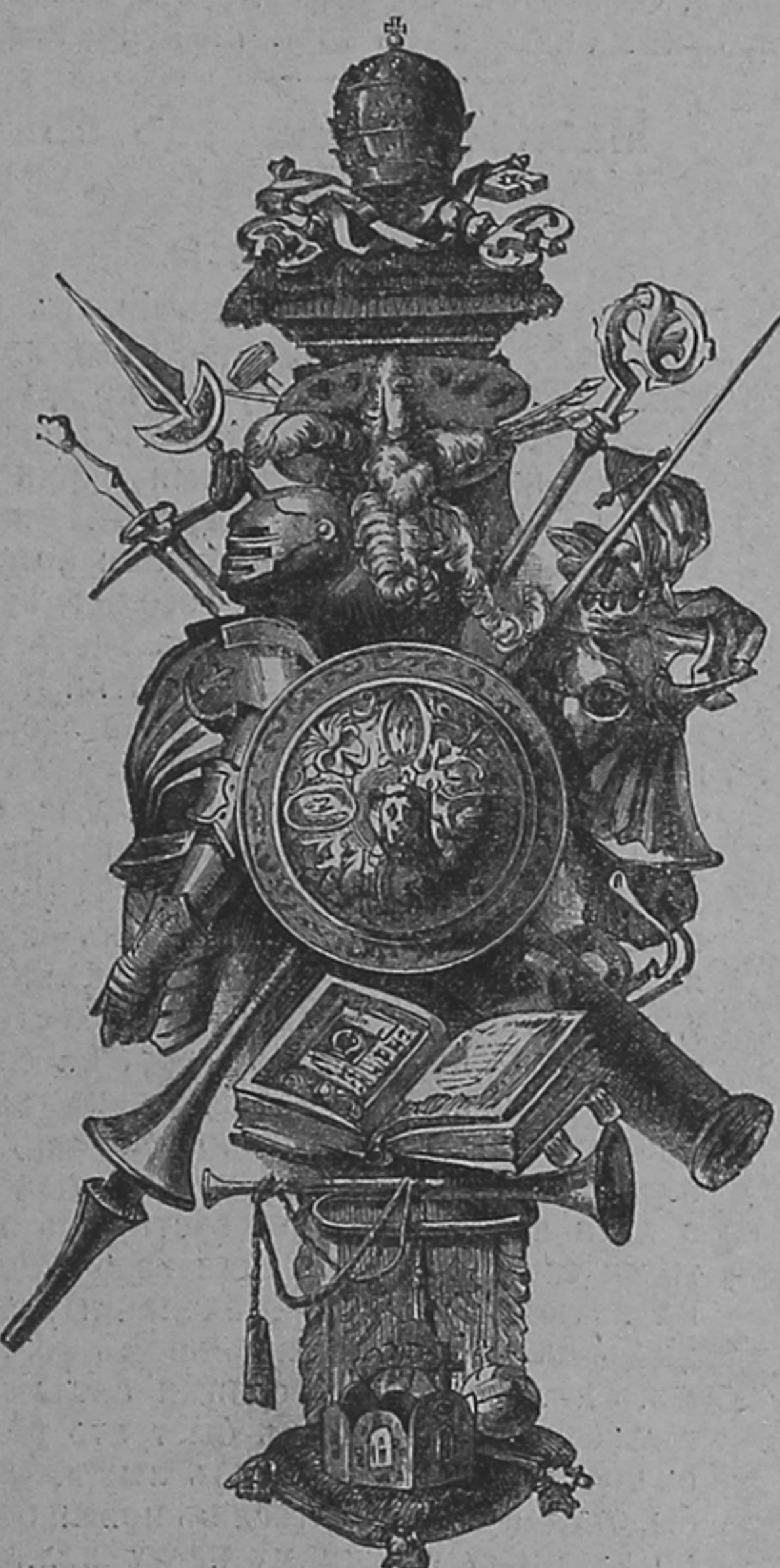

Парамарайя Деви, Королева Сиама. По фот. грав. Флюгель.

Обрядъ сожженія тѣлъ королевы Сиама и ея дочери въ Банкокѣ въ Сиамѣ. По рис. Гр. грав. Г. Флюгель.

громадной высоты, той грандіозной картины, которую представляетъ паденіе Ніагары или Рейна, тотъ конечно разочаруется нашимъ финскимъ водопадомъ, такъ какъ здѣсь Вокса не свергается съ уступа или съ горной вершины, а просто катится по наклонной плоскости, но не смотря на это, общая картина Иматры

Фиг. 1. Средніе вѣка. Оружіе.

Фиг. 2. Четыре времени года. Зима.

Фиг. 3. Гербъ мѣдника.

Фиг. 4. Четыре возраста. Дѣтство.

Фиг. 5. Гербъ рѣзчика на стеклѣ.

Фиг. 6. Двѣнадцать мѣсяцевъ. Май.

и свѣжей растительностью, росту которой особенно способствуетъ какъ постоянная сырость воздуха, такъ и обиліе орошенія, посыпаемаго на берега водопадомъ, въ видѣ брызгъ и тонкой водяной пыли, далеко разносимой вѣтромъ. Кромѣ того гранитныя скалы, накаляясь отъ солнца, снабжаютъ растенія живительнымъ жаромъ и потому неудивительно, что деревья отличаются здѣсь необычайною густотою, а злаки особеною яркостью. У самаго водопада, по скатамъ темныхъ скалъ, лѣпитъ зеленый мохъ и кустики бруслики, а выше надъ ними, ка-

ства и нещѣтности зимней поѣздки въ саняхъ къ водопаду, онъ вывѣзъ съ собою нѣсколько замѣчательно-оригинальныхъ снимковъ, изъ которыхъ два мы здѣсь помѣщаемъ. Облака брызгъ и пыли, ороша окрестныя деревья, замерзаютъ и обремененные тяжелыми, бѣлыми обмерзшими вѣтвями, деревья стоять кругомъ словно какія чудовища, словно видѣнья. Только не можетъ сковать крѣпкій морозъ могучую силу кипучей Иматры, которая клубится, реветь и сердито мечеть отъ вѣтровъ свои беспокойныя, буйныя волны съ изумляющей силой.

Маленький Канадецъ съ лыжами.

(Рис. на стр. 441).

Канада, англійская колонія, въ С. Америкѣ, на сѣверѣ отъ Соединенныхъ Штатовъ, раскинутая по рѣкѣ Св. Лаврентія. Живописная мѣстность, обработанныя поля, частыя рощи и зданія фермъ, весело выглядывающія изъ за деревьевъ, всѣ признаки богатства и благосостоянія—все это встрѣчается здѣсь путника, когда онъ ёдетъ на пароходѣ по рѣкѣ Св. Лаврентія. Климатъ лѣтомъ весьма жаркій и здоровый, зимой бываетъ очень холоденъ и перемѣнны температуры рѣзы. Довольно продолжительная зима съ крѣпкими морозами вызываетъ всѣ зимнія приспособленія и развивается въ семьяхъ привычку къ разнымъ зимнимъ удовольствіямъ. Зимнія удовольствія—поѣздки, катанья съ горъ, на санкахъ и на лыжахъ здѣсь очень распространены. И не только охотники и взрослые предаются этому занятію, но и дѣти часто отлично дѣйствуютъ лыжами такой формы, какая изображена на нашемъ рисункѣ. Маленький канадецъ, въ своемъ оригинальномъ костюмѣ, смѣло смотрить своими свѣтыми глазками; отдыхая отъ быстрого бѣга, онъ только что сбросилъ лыжи, чтобы, отдохнувъ, пуститься въ новый бѣгъ по гладкому снѣжному насту поляны.

Мученица Симфороза передъ императоромъ Адріаномъ.

(Рис. на стр. 444 и 445).

Трогательный эпизодъ, представленный на картинѣ Круга, имѣвшей большой успѣхъ на Парижской художественной выставкѣ 1882 года, относится къ эпохѣ царствованія Адріана, столь ярко и образно описанной Эберсомъ въ его извѣстномъ романѣ „Императоръ“. Характеристика Адріана особенно удалась знаменитому романисту; вы здѣсь какъ живаго видите этого капризного, непостоянного, иногда великодушнаго, но чаще жестокаго человѣка, умнаго и образованнаго и вмѣсть съ тѣмъ раздѣляющаго самые грубые предразсудки и выполняющаго самые дикіе обряды своего времени. Тишъ, очерченный Эберсомъ, дѣйствительно вѣренъ исторіи; Адріанъ является и здѣсь человѣкомъ въ высшей степени страннѣмъ и загадочнѣмъ; все свое царствованіе онъ провелъ въ путешествіяхъ по самымъ отдаленнымъ уголкамъ своей обширной имперіи,

погружая въ забываніе и забытіе земли, на которыхъ онъ останавливался, и въсюду сопровождаемый цѣлою свитою астрологовъ и услужливыхъ любимцевъ, между которыми первое мѣсто, конечно, занималъ знаменитый красавецъ Антоній, погибшій впослѣдствіи въ волнахъ Нила. По смерти Антонія вся имперія должна была воздавать ему божественный кульпъ по волѣ императора; ему воздвигали храмы и статуи и противники этого новаго страннаго культа подвергались жестокому преслѣдованію. Подъ старость Адріанъ, боясь смерти и мучимый недугами, сдѣлался особенно жестокъ и подозрителенъ; примѣры великодушія и справедливости императора становились уже рѣже и рѣже, между тѣмъ какъ нерѣдко и его лучшіе, приближенные люди приносились въ жертву по одному лишь подозрѣнію или даже капризу. Къ одной изъ самыхъ кровавыхъ и постыдныхъ страницъ исторіи Адріана принадлежитъ и общизвестный эпизодъ о мученической смерти Симфорозы и ея семи сыновей-отроковъ.

Фиг. 7. Четыре возраста. Дѣтство.

чаются голубые колокольчики и растетъ алая гвоздика, а еще выше, за рядомъ мелкихъ ольхъ и березокъ, тянется зубчатая стѣна печальныхъ, черныхъ сосенъ. Съ лѣваго берега видъ на Иматру еще живописнѣе, особенно изъ маленькой бесѣдки, какъ бы приплѣнной къ самому обрыву утеса. Здѣсь среди бѣшенаго водоворота, тотчасъ же обратятъ ваше вниманіе не-подвижно стоящіе среди волнъ громадные камни, выдолбленные въ срединѣ на подобіе бочекъ или мортиръ. Это такъ называемыя *котлы*, которые, по объясненію геологовъ, произошли еще въ тѣ незапамятныя вѣка, когда Вокса пробивала себѣ проходъ черезъ гранитное ущелье Иматры.

Нашъ рисунокъ, представляющій зимній пейзажъ Иматры, снятъ извѣстнымъ нашимъ фотографомъ Е. П. Вишняковымъ. Прекрасная въ художественномъ отношеніи мысль выполнена имъ вполнѣ удачно. Никому еще не приходило въ голову изобразить видъ Иматры зимой. Испытывая понятныя неудоб-

Симфороза была христіанка, вдова трибуна, который также погибъ мученическою смертью за свою преданность новой религії, имѣвшей во всей имперіи, несмотря на гоненія, громадное число послѣдователей. Симфороза была сама ревностная христіанка и кромѣ того воспитывала своихъ юныхъ сыновей въ духѣ строгаго христіанства, что, конечно, не могло укрыться отъ языческихъ жрецовъ, ждавшихъ лишь удобнаго случая, чтобы предать отступницу въ руки правосудія. Случай этотъ скоро представился; въ 120 году по Р. Х. Адріанъ построилъ въ Тибурѣ, близъ Рима, роскошный дворецъ и желалъ означеновать окончаніе этой постройки пышными религіозными празднествами и обильными жертвоприношеніями. Хитрые жрецы, зная суевіе императора, заявили тогда, что эти религіозныя празднества и всевозможные дары не могутъ быть приняты благопріятно богами, пока не будетъ принесена имъ въ жертву Симфороза и ея сыновья, которыхъ молитвы и обряды постоянно тревожатъ ихъ въ ихъ святилищахъ. Выслушавъ такое мнѣніе жрецовъ, Адріанъ тотчасъ же призвалъ Симфорозу и ея сыновей къ своему грозному трибуналу; долго убѣждаль ихъ раскаяться и воздать хвалу языческимъ богамъ, но они были непоколебимы, не поддаваясь ни льстивымъ обѣщаніямъ, ни страшнымъ угрозамъ. Наконецъ императоръ, забѣженный ихъ упорствомъ, приказалъ предать Симфорозу мукамъ; ее повели къ храму Геркулеса и долго мучили, повѣшивъ за волосы; когда же и среди этихъ страданій она осталась непоколебима, то утопили въ рѣкѣ. Семь ея сыновей также были подвержены самыемъ жестокимъ пыткамъ и замученные брошены въ одну глубокую яму. До сихъ поръ на этомъ мѣстѣ ихъ погребенія существуетъ церковь и вся мѣстность носить название „Семи братій“. Самая же тѣла мучениковъ впослѣдствіи были отысканы и принесены въ Римъ, гдѣ и погребены въ храмѣ Св. Ангела. Память мученицы Симфорозы и ея семи сыновей празднуется 18-го іюля.

Картина Круга, представляющая Симфорозу и ея сыновей передъ грознымъ трибуналомъ Адріана, полна драматизма и экспрессіи; особенно хороша фигура самой Симфорозы, гордой и непоколебимой въ своихъ святыхъ и высокихъ убѣжденіяхъ.

Эдуардъ Кругъ родился въ Дрюбекѣ (въ Кальварионскомъ департаментѣ), учился живописи у Конье. И не смотря на свою молодость, достигъ уже замѣчательного совершенства въ искусстве; по приговору знатоковъ, его картина, кромѣ экспрессіи, обладаетъ еще яркимъ, блестящимъ колоритомъ и потому неудивительно, что она имѣла такой блестящий успѣхъ на послѣдней выставкѣ парижского „Салона“.

Обрядъ сожженія тѣлъ королевы въ Сіамѣ.

(Съ 2 портр. и рис. на стр. 448).

Недавно въ газетахъ появились подробности печальной кончины молодой королевы Сіама и ея малолѣтней дочери. Во время прогулки по рѣкѣ, лодка перевернулась и изъ воды

вытащены были лишь безжизненныя тѣла матери и дочери. Король былъ въ отчаяніи—они недавно только женились и жили очень счастливо. По мѣстному обычаю, тѣла должны были быть сожжены.

Королева Сіамская, которой останки, вмѣстѣ съ трупомъ ея дочери, дитяти двухъ или трехъ лѣтъ, были недавно сожжены, называлась Парамарайя Деви. Она была супруга нынѣшняго короля, наследовавшаго тронъ въ 1868 году. При этомъ не мѣшаетъ замѣтить, что Сіамское государственное устройство имѣеть ту особенность, что здѣсь парѣ творятъ одновременно два лица—первое—дѣйствительный монархъ, и второе—номинальный, глава всѣхъ военныхъ силъ государства.

Нашъ рисунокъ представляетъ зданіе, где происходило сожженіе трупа королевы, котораго какъ виѣннай видѣть, такъ и саму церемонію передаетъ одинъ англичанинъ очевидецъ слѣдующимъ образомъ: „Зало, въ которомъ помѣщались обѣ урны, было расположено въ центрѣ зданія подъ высокой башней. Самое зданіе очень большаго объема, съ четырьмя или пятью окнами съ каждой стороны и, по обычаю Сіамцевъ, оканчивалось потолкомъ конической формы. Въ залѣ вела со всѣхъ сторонъ роскошная лѣстница, на которой день и ночь видны были преклоненные приницы и придворные въ роскошномъ, живописномъ нарядѣ. Возвышеніе, на которомъ были помѣщены урны, заключавшія останки усопшей королевы и ея дочери, имѣло восьмиугольную форму; ступени его шли пирамидально и оно достигало высоты—около 200 футовъ. Вся постройка была покрыта золотомъ, серебромъ, разнообразными зелеными украшениями, золотыми изображеніями Будды, золотыми и бѣлыми зонтиками; кромѣ того, здѣсь и тамъ виднѣлись цѣлые связки прелестныхъ цветовъ и блѣдно-горячіе смоляные факелы. Вообще эффектъ украшений былъ блестящій и ослѣпительный и особенно поражали своимъ блескомъ бархатныя, шитыя золотомъ занавѣси, спускавшіяся широкими складками по грандіознымъ колонамъ, идущимъ кругомъ всего зданія. Зало было обито богатыми коврами и украшено подсвѣчниками съ восковыми свѣчами, а также искусственными цветами, золотыми и бѣлыми, очень похожими на тѣ натуральные, пахучие цветы, которыми обыкновенно такъ любятъ себя украшать Сіамцы. Молитвенные обряды совершились очень часто, на послѣднихъ ступеняхъ около урнъ; въ это время все зало было полно духовными лицами, въ блестящихъ оранжевыхъ или желтыхъ одеждахъ, сидящими или преклоненными, съ бритыми головами, съ желтыми вѣрами въ рукахъ, и каждый изъ нихъ при этомъ прикасался къ желтой лентѣ, спускавшейся изъ внутренности урнъ. Кромѣ того, часто всѣ входящіе во внутренность роскошнаго зданія или стоящіе тамъ, со сложенными руками, преклонили свои головы до земли въ знакъ благоговѣнія и молитвы, и въ то-же время въ сосѣдніхъ залахъ раздавалась жалостная музыка или пѣніе духовенства, еще болѣе усиливавшее общее грустное и вмѣстѣ съ тѣмъ торжественное настроение толпы.“

Библіографія.

(Рис. на стр. 449 и 450).

Allegorien und Embleme. Von Martin Gerlach. Wien 1883. Первый томъ этого превосходнаго изданія вышелъ недавно. Это нечто совершенно новое и своеобразное. Это не альбомъ или художественная книга съ картинами, мѣсто которой на столахъ модныхъ гостиныхъ, и не собраніе образцовъ для художниковъ и ремесль, но оно вмѣстѣ и то, и другое, такъ какъ оно пригодно для потребностей дома, школы и художественныхъ и ремесленныхъ мастерскихъ. Но для того, чтобы соответствовать всестороннимъ цѣлямъ оно должно быть серьезнѣе, чѣмъ обыкновенно бываютъ иллюстрированныя изданія, и съ другой стороны должно избѣжать сухой нормы книгъ съ образцами. Свободный, истинно художественный духъ замѣчается на всѣхъ его страницахъ и это составляетъ первую и важнѣйшую характеристику этого нового изданія.

Тутъ помѣщены новѣйшія произведения, которые даютъ ясное понятіе о томъ, какимъ образомъ весь громадный кругъ художественныхъ мотивовъ, почерпаемыхъ изъ природы и жизни людей, воспроизводится согласно требованіямъ новѣйшаго искусства. Всѣ отдельныя произведения, олицетворенія вѣчныхъ всеобщихъ понятій, всегда сходныхъ между собою, но въ области художествъ разныхъ временъ различно изображаемыхъ,—все это собрано въ одно цѣлое и такимъ образомъ гораздо болѣе способно дать ясное представление о духѣ, идеяхъ, понятіяхъ и взглядахъ нынѣшняго искусства, чѣмъ многія картины галерей и большія выставки. Точное изображеніе времени, вѣчности, эмблемы любви и ненависти, добродѣтели и порока, всѣхъ страстей, руководящихъ человека, его душевныхъ и сердечныхъ движений—составляли съ давнихъ поръ задачу всѣхъ эпохъ, школъ и всѣхъ художниковъ. Но только сопоставляя произведения нашихъ временъ съ прошедшими, можно было прийти къ заключенію и сужденію объ искусстве послѣдняго времени. И этому впервые превосходно способствуетъ настоящее изданіе, въ которомъ участвуетъ много выдающихся ху-

дожниковъ. Оно можетъ быть названо новымъ художественнымъ Декамерономъ, въ которомъ одинъ разсказчикъ смѣняется другимъ, вносящимъ также свою ленту. Но рядомъ съ этой цѣлью изданіе преслѣдуется еще и другую.

Новѣйшія реформы въ художественной промышленности, въ обученіи рисованію и декоративномъ искусствѣ, исходя изъ драгоценной сокровищницы древнихъ образцовъ, значительно подняли и облагородили вкусы публики и производителей. Развитіе производствъ, архитектуры и увеличеніе городовъ способствовали большому распространенію реформирующего вліянія, такъ что не будетъ преувеличениемъ сказать, что болѣе благородное направленіе вкуса сдѣжалось общимъ достояніемъ всѣхъ образованныхъ народовъ. Но не смотря на это, даже поверхностному наблюдателю становится замѣтной односторонность художественной промышленности и декоративныхъ искусствъ, а именно преобладаніе орнаментовъ въ ущербъ фигурныхъ украшений, чего не существовало въ древнія времена. Тогда распредѣлялось все равномѣрно,—и что составляетъ труднѣйшую задачу—гармоническимъ соединеніемъ орнаментовъ и фигуръ опредѣлялся собственно характеръ декоративныхъ украшений.

Настоящее изданіе, представляющее рѣдкое явленіе по своему объему и богатству образцовъ, имѣетъ цѣлью пополнить выше-сказанный недостатокъ. Множество декоративныхъ композицій, принадлежащихъ лучшимъ художникамъ Германіи и Австріи, ясно рѣшаютъ значеніе фигурныхъ украшений въ художественной промышленности. Сообразуясь съ духомъ древнихъ эпохъ, на которыхъ уширяется настоящее и будущее художественное направленія, аллегорія должна быть принята исходной точкой. Поэтому въ изданіи помѣщены рядъ важнѣйшихъ аллегорическихъ представленій, составлявшихъ много столѣтій задачу художниковъ и относящихъ къ жизни людей, природы, животныхъ, явленіямъ неба, земли, дня и ночи, олицетворенія вре-

мени, вѣчности, людскихъ страстей, пороковъ и добродѣтелей. Все это представляетъ длинный рядъ живыхъ образовъ, приковывающихъ глазъ красотою и поражающихъ богатствомъ и разнообразиемъ явлений.

Къ этой первой части присоединяется еще вторая; это изображеніе эмблемъ промышленного характера. Въ этой части помѣщено много образцовъ цеховыхъ гербовъ, вывѣсокъ, эмблемъ и аллегорій, частью сохранившихся на старыхъ памятникахъ, въ особенности гробницахъ 16 и 17 столѣтій, частью новѣйшихъ набросковъ.

Не смотря на то, что смыслъ всѣхъ художественныхъ произведеній этого изданія ясенъ, тѣмъ не менѣе къ нимъ приложенъ текстъ, имѣющій цѣлью въ скатой формѣ пояснить понятія, взгляды и направленіе художника, и указать на всѣ особенности произведенія, которыя иногда могутъ ускользнуть отъ вниманія.

Здѣсь помѣщаемые семь рисунковъ показываютъ какъ блестящѣ многими художниками выполнена программа изданія. Фиг. 1, рисунокъ мюнхенского художника Зимма, — эмблема Среднихъ вѣковъ, изображаетъ тіару, митру, оружіе, миніатюры, корону Карла Великаго и первое огнестрѣльное оружіе. Фиг. 2

Россія и Турція.—Болгарія.—Франція.—Англія.—Египетъ.—Швеція.

Гдѣ и какъ только можетъ Порта сдѣлать намъ что либо непріятное—тамъ она непремѣнно дѣлаетъ; на этотъ разъ она поспѣшила поступить подобнымъ образомъ въ переговорахъ своихъ съ Россіей о тарифѣ; отказавшись отъ мысли повысить его для другихъ державъ, Порта не понижаетъ его для насъ и, по обыкновенію, затянула переговоры.

Первый министръ Болгарскаго княжества, генералъ Соболевъ, выѣхалъ въ Россію для присутствованія на коронованіи Ихъ Императорскихъ Величествъ, генералъ Каульбарсъ временно вступилъ въ отправленіе его обязанностей. Повидимому, католическая пропаганда идетъ въ княжествѣ удачно. Ватиканъ рѣшился назначить туда одного архіепископа и двухъ епископовъ; первый будетъ пребывать въ Константинополѣ, а епископы — въ самой странѣ; архіепископъ уже назначенъ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, недавно, въ католической церкви въ Константинополѣ происходила хиротонія одного изъ епископовъ — это священникъ Петковъ. Въ Румеліи, Алеко-Паша совершенно поддался вліянію державъ, соперничающихъ съ Россіей; все русское притѣсняется, — рускіе офицеры и унтеръ-офицеры уходятъ изъ края, смѣняютъ англичане и французы.

Но, уживаясь кое-какъ въ Румеліи, англичане и французы, тѣмъ не менѣе,—вообще,—находятся въ натянутыхъ отношеніяхъ. Франція, вступившая на путь колоніальныхъ пріобрѣтеній, не можетъ угоняться за Англіей, которая успѣваетъ и мѣшать своей соперницѣ и, въ то-же время, завладѣвать все новыми и новыми территоріями. „Пока мы,—жалуются французы,—долгое время колебались пополнить наши океанская владѣнія посредствомъ пріобрѣтенія какихъ-либо острововъ или архипелаговъ, образующихъ ихъ необходимое дополненіе,—колоніальная власти Куинслэнда (англійская колонія въ Австраліи) formalнымъ образомъ, отъ имени Великобританіи, вступили во владѣніе островомъ Новой Гвинеи, превышающимъ, на цѣлую треть, Мадагаскаръ и могущимъ поспорить съ Борнео, который считается самымъ большимъ островомъ въ мірѣ. Англичане рѣшились на новое присоединеніе не столько изъ-за выгоды, какія они могутъ извлечь изъ этой страны, сколько изъ-за того, чтобы помѣшать другимъ народамъ поселиться тамъ.“ И—они имѣли нѣкоторое основаніе желать предупредить другихъ: Германія, Италія, Голландія уже имѣли виды на островъ, а послѣдняя изъ нихъ даже владѣеть третью его—въ западной части. Не менѣе заняты французы и „тройственнымъ союзомъ“; недавно въ сенатѣ обсуждался запросъ, сдѣланный по этому поводу Брелемъ; министръ иностранныхъ дѣлъ, Шальмель-Лакуръ, сказалъ, что въ сближеніи трехъ державъ онъ не видѣтъ ничего новаго: итальянскій министръ Манчини и австрійскій—Тила, объявили, что въ основѣ союза нѣть наступательного замысла на Францію и онъ, Пальмель-Лакуръ, вѣрить тому; „впрочемъ, — прибавилъ министръ, — никто не думаетъ, чтобы

одно изъ четырехъ временъ года—„Зима“, вѣнскаго художника Мейснера. Фиг. 3—гербъ мѣдника; 4-я—одинъ изъ четырехъ возрастовъ—„Дѣтство“. Художникъ (Унгеръ изъ Мюнхена), изобразилъ малютку, нарождающуюся изъ распускающейся весенней цветочной почки. Затѣмъ идетъ фиг. 5—гербъ рѣзчика на стеклѣ, превосходно составленный по средневѣковымъ образцамъ, 6-я—грациозное, милое изображеніе одного изъ двѣнадцати мѣсяцевъ—Мая. Это одно изъ лучшихъ изображеній въ этомъ родѣ въ современной живописи. Прелестъ этого дѣтского образа, стройность нѣжнаго тѣла, безсознательная грація движений исполнены съ такимъ мастерствомъ, какое теперь не часто встрѣчается.

Наконецъ „Дѣтство“—прелестное изображеніе проф. Бергера изъ Вѣнны, набросано также съ тонкостью, изяществомъ и мастерствомъ, бросающимися въ глаза съ первого взгляда. Съ одной стороны игрушки, съ другой уже доска съ написанными буквами и прутья—начало ученья! Сладость и горечь уже и этого периода жизни. Двѣ крошки съ любопытствомъ смотрѣтъ на чадолюбиваго аиста, у которого на шеѣ виситъ колыбель. Справа цветы, а слѣва уже плоды жизни....

Политическое обозрѣніе.

нападеніе на Францію было легко; ей не надо союзниковъ; она желаетъ, насколько это совмѣстимо съ ея достоинствомъ—оставаться въ добромъ согласіи со всѣми державами и будемъ уважать права другихъ, не отказываясь отъ своихъ правъ; страна вовсе не испытываетъ тревоги, а потому и запросъ не нуженъ”; но Брель не удовлетворился отвѣтомъ. Военный министръ Тибоденъ, при обсужденіи закона о рекрутскомъ наборѣ, высказался въ пользу трехлѣтней службы, но, остальные лица, участвовавшія въ разсмотрѣніи вопроса, нашли необходимымъ удержать пять лѣтъ; странный военный министръ! Интересно было бы знать — какими соображеніями онъ руководился, въ особенности зная—насколько слаба въ французской арміи дисциплина. Что касается экспедиціи въ Тонкинъ, то французское правительство отказалось отъ мысли отправить въ аннамскія воды всю крейсirующую въ китайскихъ водахъ броненосную эскадру; въ Аннамъ пойдетъ только часть этой эскадры, нѣсколькоимъ-же броненосцамъ предписано крейсировать въ недалекомъ разстояніи отъ Шанхая и Гонконга.

Англія уже отправила свою экспедицію къ берегамъ рѣки Конго, въ виду того, что португальцы прислали туда нѣсколько канонерскихъ лодокъ. Предусмотрительные сыны Альбиона, усматривая въ охватившемъ европейскія державы стремлѣніи къ пріобрѣтенію колоній, возможный поводъ къ войнѣ — принимаютъ уже и нынѣ мѣры на всякий случай: они заняты приготовленіями, имѣющими цѣлью приспособленіе торгового флота къ войнѣ; въ числѣ условій, на которыхъ выдана нѣсколькоимъ конкурирующимъ между собой народнымъ обществамъ концессія на перевозку почты черезъ Атлантическій океанъ, находится условіе, въ силу которого пароходы почтовой службы обязаны быть снабжены двойными бортами, причемъ разстояніе между ними должно равняться объему тюка хлопка; сдѣлать это съ тѣмъ, чтобы въ случаѣ войны наполнить пространство подобными тюками и превратити, такимъ образомъ, почтовые пароходы въ родъ панцирныхъ судовъ, вооруженныхъ артиллеріей, снабженныхъ боевыми снарядами и т. д. Динамитные дѣятели не перестаютъ подавать о себѣ вѣсть: въ самое недавнее время многими торговыми фирмами, имѣющими магазины близъ собора Св. Павла, получены анонимныя письма, съ угрозой, что соборъ этотъ и другія большія зданія предполагается взорвать, чтобы „отомстить за право ирландскихъ патріотовъ“. Въ Нортгемптонѣ открыта тайная фабрика динамита; въ Нью-Йоркѣ взяты двое изъ участниковъ убийства въ Фениксъ-Паркѣ.—Лордъ Дефференъ уѣхалъ изъ Египта и, говорить, будетъ замѣненъ секретаремъ по индійскимъ дѣламъ, Берингомъ. Войска хедива разбили мятежниковъ, предводимыхъ лже-пророкомъ.

Шведская палата депутатовъ отвергла билль о „нейтрализациіи“ Швеціи и Норвегіи, который недавно былъ предложенъ.

СМѢСЬ.

Нефтяная промышленность въ Америкѣ. Исторія нефтяной промышленности въ Пенсильваниіи настолько замѣчательна и оригинальна, что съ первого раза походить на вымыселъ самой исклій фантазіи. Если 28 Августа 1859 г., т. е. въ день, когда была здѣсь окончена первая буровая скважина, кто нибудь предсказалъ, что вновь открытыми нефтяными источниками народное благосостояніе обогатится въ теченіи 20 лѣтъ на сумму свыше двухъ миллиардовъ нашихъ рублей, то такого пророка сочли бы по меньшей мѣрѣ сумасшедшими; а между тѣмъ дѣйствительность далеко превзошла уже это предсказаніе. Нѣть ни одного уголка во всемъ цивилизованномъ мірѣ, где бы не известенъ былъ американскій керосинъ. Въ настоящее время для добычи нефти въ Пенсильваниіи и западной Виргиніи сдѣлано болѣе 20 тысячъ буровыхъ скважинъ;

100 тыс. людей находятъ себѣ заработокъ при этомъ промыслѣ. Нефть непрерывнымъ потокомъ движется по свѣти желѣзныхъ трубъ, протяженіемъ 6 тыс. верстъ, проводящихъ ее къ станціямъ желѣзныхъ дорогъ и морскимъ пристанямъ.

Начало керосинового производства въ Америкѣ походило на ту лихорадочную, безтолковую сумятицу, какая за 15 лѣтъ передъ тѣмъ была въ Калифорніи, со всѣми ея обыкновенными послѣдствіями, т. е. быстрымъ обогащеніемъ и слѣдовавшимъ за нимъ банкротствомъ. Полковникъ Дракъ, владѣлецъ первой изобильной нефтью буровой скважины, послѣ внезапнаго обогащенія кончилъ тѣмъ, что послѣдніе годы своей жизни перебивался пенсиономъ, назначеннымъ ему пенсильванскимъ штатомъ, какъ первому піонеру нефтяной промышленности. Джонъ Стиль, или, какъ его называютъ, „керосиновый

Джонни", заснувши однажды простымъ рабочимъ и проснувшись на другой день миллионеромъ, получаеть теперь 50 долларовъ мѣсячного жалованья. Въ Питолѣ въ 1865 году было только два дома, а черезъ три мѣсяца тамъ было 15000 жителей. Земля, продаившаяся тамъ передъ тѣмъ десятинами за ничтожную плату, вдругъ поднялась до такой страшной цѣны, что за участокъ, едва достаточный для постройки дома, приходилось платить по 10 тыс. долларовъ. Ферма Голденъ, купленная за 25 тыс. долларовъ, была черезъ три мѣсяца перепродана за 1.600000 долларовъ. Около нея появились обширные гостиницы, великолѣпные театры; къ ней подвели желѣзную дорогу, нефтепроводные трубы, но спустя нѣсколько мѣсяцевъ нефть около нея истощилась и всѣ постройки были брошены почти за безцѣнокъ.

Спекулятивное возбужденіе и азартъ, охвативший нефтепромышленниковъ, привели дѣло въ самое плачевное состояніе. Всѣ спѣшили перегонять другъ друга, всѣ бросались на буравленіе скважинъ, такъ что въ концѣ концовъ производство превысило спросъ: продавцовъ явилось болѣе чѣмъ покупателей, что повлекло за собой всеобщее разореніе. Техническая часть, особенно способы перевозки нефти, были въ самомъ первобытномъ состояніи. Нефть, пе-

ревозимая въ плохо сдѣланныхъ и дававшихъ течь бочкахъ, на колесахъ по грунтовымъ дорогамъ и по рѣкамъ на баржахъ, въ огромномъ количествѣ проливалась и пропадала бесполезно.

Такой порядокъ продолжался однако не долго. Предпріимчивые американцы уже въ 1865 г. начали составлять товарищество для устройства нефтепроводовъ. Компаніи покрывали трубами извѣстную часть нефтяной территории и входили въ соглашеніе съ владельцами буровыхъ скважинъ, предлагая свои услуги для перекачки добываемой ими нефти. Нефтепромышленникъ сдавалъ компаніи свою нефть подъ квитанцію и могъ получить свой товаръ во всякое время на назначеннй станціи желѣзной дороги, уплачивая компаніи издержки за перекачивание и храненіе нефти. Наконецъ всѣ отдельные нефтепроводные компаніи соединились въ одно корпоративное учрежденіе подъ общимъ контролемъ и руководствомъ и такимъ образомъ организовали въ 1877 году одно громадное общество „Standard Oil Co.“

Общество это рѣшило буреніе и добываніе нефти предоставить частной инициативѣ предпринимателей и занялось только исключительно передвиженіемъ нефти. Оно, не требуя никакого вознагражденія отъ нефтепромышленника, подводитъ къ каждой буровой скважинѣ, где бы она ни была, нефтепроводную трубу; получаетъ отъ владельца товаръ и выдаетъ его изъ своихъ нагружочныхъ резервуаровъ на какой угодно станціи, взимая опредѣленную по таксѣ плату за перекачку и храненіе нефти. Компания эта въ самое короткое время достигла почти невѣроятныхъ результатовъ. Принадлежащіе ей нефтепроводы имѣютъ въ настоящее время протяженіе въ 6 тысячъ верстъ и соединяютъ 20 тысячъ буровыхъ скважинъ. Кромѣ того магистральная трубы, протяженіемъ 1,500 верстъ, соединяютъ нефтепосную область съ Нью-Йоркомъ, Филадельфией и Балтиморомъ. На всемъ протяженіи магистральныхъ трубъ, на разстояніи каждыхъ 40 верстъ, устроены станціи съ перекачивающими насосами и резервуарами и по каждой 6 дюймовой трубѣ прогоняется въ сутки 150 тысячъ пудовъ керосина. Компания дѣлаетъ ежедневный оборотъ въ $\frac{1}{2}$ миллиона пудовъ нефти; она ежедневно употребляетъ $5\frac{1}{2}$ тысячи пудовъ желѣза на устройство новыхъ складочныхъ резервуаровъ; изготавливаетъ ежедневно 100 тысячъ жестяныхъ ящиковъ пудовой вмѣстимости и 25 тысячъ дубовыхъ боченковъ, на обручи которыхъ истрачивается 9 тысячъ пудовъ желѣза.

Чтобы сохранить картофель свѣжимъ до лѣта, сонѣтуютъ, предварительно перемывать его, опустить въ сѣтку на 4 секунды въ кипящую воду (лучше брать посоленную воду). Затѣмъ картофель просушивается на открытомъ воздухѣ, разложенный въ одинъ рядъ. Такимъ образомъ приготовленный картофель не прорастаетъ, долго сохраняется и не теряетъ своего первоначального пріятнаго вкуса. Но послѣ этой операции картофель непремѣнно слѣдуетъ сохранять въ темнотѣ.

Противъ тресканія рукъ служитъ отличнымъ средствомъ масса изъ меда и глицерина, ложка которой распускается въ литрѣ воды, предназначенной для умыванія. Это прекрасное средство дѣлаетъ кожу на рукахъ мягко и нѣжно и предохраняетъ ее отъ тресканія. Вообще втирание одного глицерина не приводить къ хорошимъ результатамъ, лучше глицеринъ смѣшивать съ водой. Утромъ и вечеромъ, передъ сномъ, на только что вымытыя руки вливается нѣсколько капель воды и нѣсколько капель глицерина, все это тщательно втирается въ кожу, которая затѣмъ обсушивается посредствомъ прикладыванія полотенца. Такимъ способомъ руки не портятся и остаются мягкими и нѣжными даже при работѣ на сильномъ холода.

Если же при этомъ на ночь надѣвать перчатки, то средство становится еще действительнѣе. Губы, смазанныя выше-приведеннымъ составомъ, также предохраняются отъ тресканія.

Золополучный пѣвецъ. Во времена второй имперіи, любимцемъ публики на сценѣ Парижской Императорской оперы былъ пѣвецъ Массоль. Это былъ человѣкъ всегда мрачный, замкнутый, чуждавшійся людей, съ непріятной, отталкивающей физіономіей, въ глазахъ его свѣтился мрачный огонь. Враги Массоля говорили, что у него „худой глазъ“. Ко всему этому онъ былъ очень не далекъ. Все это однако не мѣшало восторгаться его прелестнымъ голосомъ, а дамы такъ положительно бредили имъ и приписывали что-то чарующее, демоническое. Въ репертуарѣ была въ то время между прочимъ опера „Король Карль VI“, въ которой лучшимъ мѣстомъ считалась такъ называемая „арія проклятія“; она всегда вызывала цѣлую бурю аплодисментовъ. Когда Массоль пѣлъ въ первый разъ эту арію, онъ, войдя въ роль, поднялъ взоръ къ небу и произнесъ проклятія на вѣчныя времена на голову своихъ враговъ. Затаивъ дыханіе слушала публика пѣвца. Раздались оглушительные аплодисменты. Когда все стихло, съ высоты, куда былъ обращенъ взоръ Массоля, стремглавъ упалъ машинистъ и вынесень былъ уже мертвымъ. Прошло нѣкоторое время и пьеса эта была поставлена опять. Въ памяти Массоля былъ еще живъ печальный случай. На этотъ разъ, во время своей аріи, онъ не поднялъ взора вверхъ, а устремилъ глаза на мѣста музыкантовъ. Съ послѣдними звуками аріи капельмейстеръ Гюбенеть вдругъ почувствовалъ себя нехорошо, былъ немедленно увезенъ изъ театра и на третій день умеръ. Когда опера эта была поставлена въ третій разъ, публика была крайне заинтересована узнать, послѣдуетъ ли новая жертва за демонской аріей. Не безъ внутренняго волненія, увлекая публику, пѣлъ Массоль, устремивъ взоръ на единственную пустую ложу. Она принадлежала богатому молодому купцу, которому приготовленія въ дальній путь помѣшили прийти во время въ театръ. Какъ разъ во время зловѣщей аріи онъ вошелъ въ ложу, чтобы прослушать толь-

Отъ конторы редакціи „НИВЫ“.

Одинъ изъ слѣдующихъ №№ „Нивы“ будетъ посвященъ исключительно ожидающему всей Россіей историческому дню, въ который Россія будетъ праздновать Священное Коронованіе Ихъ Императорскихъ Величествъ.

Съ цѣллю дать широкую возможность наглядно ознакомиться со всѣми знаменательными моментами и эпизодами за время этого события, мы послали въ Москву особаго специальнаго корреспондента — извѣстнаго художника Н. Н. Каразина, который будетъ немедленно сообщать намъ рисунки и описанія каждого выдающагося эпизода торжества.

Въ вышеупомянутомъ, такъ называемомъ, коронаціонномъ номерѣ „Нивы“, посвященномъ исключительно только коронаціи, имѣющимъ выйтти въ увеличенномъ объемѣ, будутъ помѣщены, кромѣ художественно-исполненныхъ большихъ портретовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ, масса рисунковъ, касающихся всѣхъ главныхъ моментовъ великаго события.

Имѣя въ виду, что многія лица, и несостоящія подписчиками нашего журнала, пожелаютъ пріобрѣсти этотъ №, мы его печатаемъ на нѣсколько тысячъ экз. болѣе противъ обычнаго, назначая за этотъ № весьма низкую цѣну: по 30 к. за экз., съ пересылкою по 35 коп. Коронаціонный № будетъ для отдѣльной продажи пущенъ въ особой изящной оберткѣ, — кто же изъ подписчиковъ пожелаетъ сверхъ своего подписнаго № (который въ концѣ года требуется для переплета) имѣть отдѣльно сброшюрованный №, платить 25 коп. за экземпляръ, съ пересылкою 30 к.

Выписывающіе этотъ № для раздачи на память ученикамъ, солдатамъ, работникамъ въ заведеніяхъ и пр. и пр., въ количествѣ	100 экз. платить 25 р., съ пер. 30 р.
	500 " " 120 " " 145 р.
	1000 " " 210 " " 260 р.

Съ требованіями обращаться: въ С.-Петербургѣ, въ Редакцію журнала „Нива“, Большая Морская № 9. Въ Москвѣ: въ отдѣленіе конторы „Нивы“ у Н. Н. Печковской, Петровскія торговыя линіи.

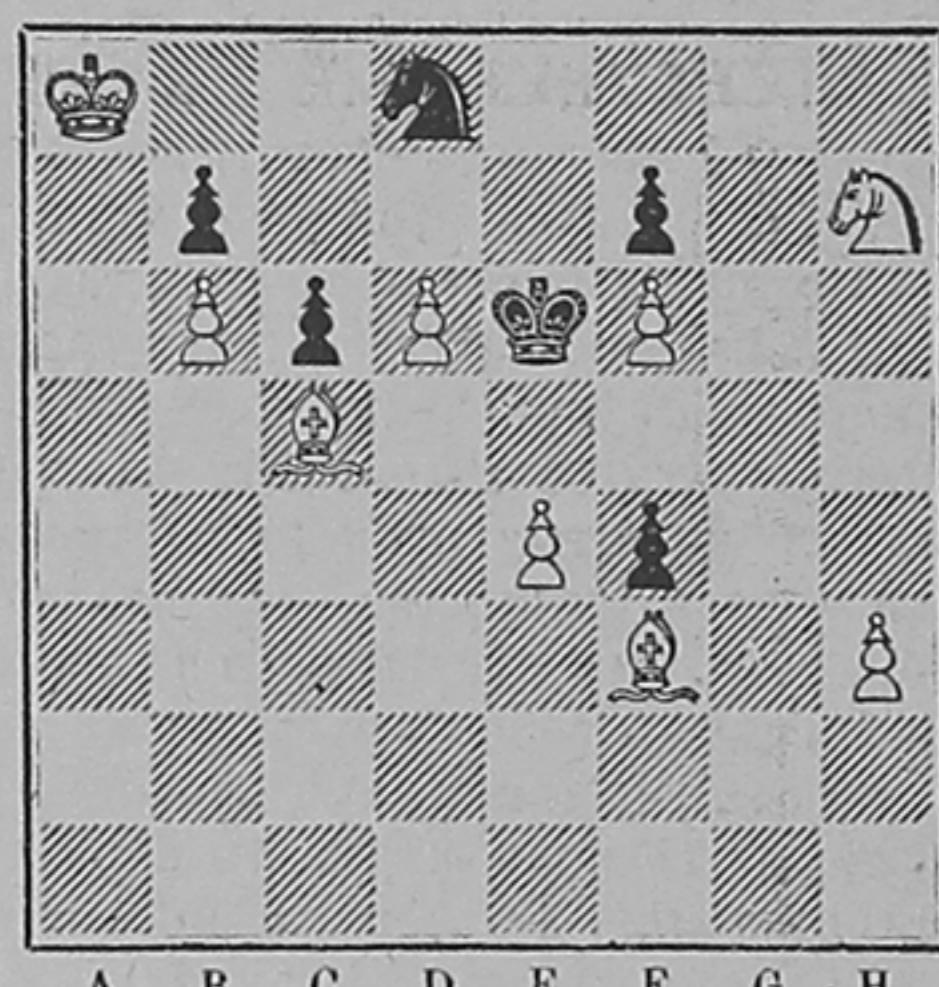
ко одинъ актъ. И па этотъ разъ дѣло не обошлось безъ несчастія. Молодому купцу не удалось достигнуть цѣли своего путешествія; въ одномъ пограничномъ французскомъ городкѣ смерть отъ разрыва сердца преждевременно положила конецъ его жизни. Съ тѣхъ поръ Массоль „аріи проклятія“ уже не пѣлъ болѣе никогда. Пѣвцу наскучила жизнь артиста и онъ рѣшилъ распрощаться съ парижской публикой. 15-го января 1858 г. театръ былъ полонъ публики, которая пришла послушать въ послѣдній разъ своего любимца-пѣвца въ оперѣ Россини—„Вильгельмъ Тель“. Въ числѣ избранный публики была и молодая императорская чета. Когда императоръ слѣдовалъ въ театръ, на него было сдѣлано злодѣйское покушеніе граffомъ Феликсомъ Орсини и его сообщниками, едва не стоившее жизни Наполеону. При этомъ однако пострадало нѣсколько лицъ. Императоръ тѣмъ не менѣе послѣдовалъ съ супругой въ оперу и просидѣлъ въ ней до конца, пока на улицѣ не были арестованы покусители и убраны тѣла. И эта печальная катастрофа была связана съ прощальнымъ спектаклемъ артиста Массоля.

Во время наводненія. Газета „Lanterne“ сообщаетъ слѣдующую замѣтку изъ дней наводненія въ Парижѣ. Крысы покидали свои норы въ подвалахъ, которые были залиты водой, и карабкались въ верхніе этажи, ища спасенія. Въ это время во дворцѣ Бурбоновъ ихъ было убито болѣе тысячи штукъ; нѣкоторыя изъ нихъ были величиной съ небольшую кошку и обладали такими громадными рѣзцами, которыми могли совершенно свободно вырвать порядочный кусокъ мяса на ногахъ людей, ихъ убивавшихъ. На правомъ берегу Сены крысы поступили иначе. Почуявъ наводненіе, они оставили берегъ и искали убѣжища въ домахъ и на улицахъ. Напримеръ въ одной улицѣ убили ихъ болѣе чѣмъ 500 штукъ. Само собою разумѣется, что ихъ истребляли всевозможными средствами и когда отрава оказалась недостаточно дѣйствительной, — пустили противъ нихъ кошекъ; однако онѣ отказывались вступить въ борьбу съ огромными крысами и все разбѣжались. Только собаки дѣятельно помогали истребленію этихъ животныхъ. Собака изъ породы таксъ, принадлежавшая мяснику въ улицѣ „Dauphine“, уничтожила одна въ теченіи трехъ дней 400 крысъ; послѣ чего вся была покрыта ранами. Въ улицѣ „du Bac“ № 2, четыре такса, которыхъ одолжилъ маркизъ Англезей, истребили тысячу этихъ животныхъ. Но за то одна изъ этихъ собакъ была закусана до смерти. Она стоила своему господину не менѣе 80 фунт. стерлинговъ.

Сожженіе труповъ въ Японіи вещь очень обыкновенная; здѣсь

Шахматная задача № 25.

Черные.

Бѣлые.

Бѣлые начинаютъ и даютъ матъ въ 3 хода.

Рѣшеніе шахматной задачи № 19.

Бѣлые	Черные
1) Н 1—G 1	1) Куда
2) Ферзъ или	угодно.
конь даютъ	
матъ.	

Вѣрныя решенія этой задачи присланы отъ Г. г.: Спб.—Воронихина, Базырина, Андреева; Москва—Пѣлина, Попова, Боброва; Астрахань—Цѣхановича; Барковича—Туркина, Варшава—Фольмана, Волковыскъ—Липшица, Медведѣво—Лейцингеръ, Н. Новгородъ—Ульева, Новоградъ-Волынскъ—Мижирicha, Ревель—Отоцкаго, Слонимъ—Логиновича, Симферополь—Лунскаго; Тугенгольдъ.

Рѣшеніе ребуса № 18.

Бѣда ходить не по лѣсу, а по людямъ.

Рѣшеніе алгебраической задачи № 20.

$$\begin{array}{ll}
 1) a-b-e=f & a=11=K \\
 2) b-a+e+h=f+i & b=15=O \\
 3) c-b^2-e^2=h^2-2(a+d) & c=17=P \\
 4) d-a+b+c+e=f+g+i & d=15=O \\
 5) e-a^2-h^2=c+g & e=14=N \\
 6) f-(b+c):(g+h)=(i-g):(h+f) & f=1=A \\
 7) g-(g-e)^2=h^2 & g=23=Ц \\
 8) h-(e+f)^2=b^2 & h=9=I \\
 9) i-c^2-d^2=64. & i=33=Я
 \end{array}$$

Вѣрныя решенія этой задачи присланы отъ Г. г.: Спб.—Луръ, Коломійцова, Розы, Шеръ, Кузнецовой, Шотель, Новоселова, Воронихина, Грибанова, Барминского, Евстиміїва-Сергѣева, Итцигсонъ, Риль, Пончикова, Ефимова, Николаева, Смирягина, Пуцко, Коркина; Москва—Субботина, Пелевина, Масталыгина, Арефьевъ, Вольцовой, Гренъ, Штейнбахъ, Цвѣтковой, Бѣляева; Астрахань—Цѣхановича, Бахчисарай—Дремчи, Бердянскъ—Бабая, Большое Коровино—В. К. Терскаго; Варшава—Кречетовика, Соловейчика, Никитина, Фольманъ; Вилькомиръ—Гурвица, Вильно—А. Ф. Г—гъ, Глинка, Балицкаго, Витебскъ—Сахарова, Воронеж—Строгонова; Георгіевскъ—Курапцова, Екатеринославъ—Аксюкевича; Казань—Столбова, Долгова, Куржанска, Калуга—Н. М. К., Керчъ—Гинкулова, Ковно—М. В—анъ, Коломна—Перова, Кошняки—Земцева, Кронштадтъ—Попова, Курскъ—Четверушкина, Ловичъ—Анвельдъ, Луцкъ—Германовской, Малоархангельскъ—Полякова, Медынь—Ларіонова, Минскъ—Шаковскаго, Цыпкина, Н. Новгородъ—Киселевой, Николаевъ—Сталъ; Одесса—Павловичъ, Трейгеръ, Дикий, Орель—Гайдукова; Оренбургъ—Атлагузова, Петергофъ—Гусарова, Погарь—Вербицкаго, Порховъ—Соловского; Раненбургъ—Профераансова, Ромны—Карташевскаго, Ростовъ на Д. Ачикова, Е—гина, Рудна—Ясинского, Саратовъ—А. П., Никитина, Иньшакова, Севастополь—Путятин, Симбирскъ—Ферлюдина, Симферополь—Фарди; Скопинъ—Волкова, Слуцкъ—Харламповича, Ставрополь—Шумова, Стволовичи—Турцевича, Сумы—Иванова, Тарханы—Волобонова, Торжокъ—Клюшина.

каждый годъ, среднимъ числомъ, сжигается до 9 тысячъ труповъ. Трупосожигательные камеры, выстроенные изъ камня на цементѣ, имѣютъ очень высокія дымовые трубы и потому весьма схожи, на первый взглядъ, съ фабриками. Въ передней выставлены на продажу красные каменные урны и маленькие лопаточки, которыя предназначаются для собирания пепла отъ сожженного трупа на память. За передней находятся 4 комнаты, изъ которыхъ самая большая украшена гранитными колоннами; въ ней трупы сжигаются за известную плату (около 1 р. 70 коп.). За отдаленное сжиганіе взимаютъ плату, въ 5 разъ превышающую первую. Послѣ известныхъ обрядовъ въ домѣ умершаго, трупъ относится въ камеру для сожиганія, где около него находится духовное лицо до 8 часовъ вечера. Затѣмъ зажигается огонь, который горитъ въ теченіи всей ночи. Въ 6 часовъ утра пепелъ сгребается и укладывается въ урну, которая, часто съ большою пышностью, хоронится на кладбищѣ. Ни во время, ни послѣ операции трупосожиганія не ощущается ни малѣшаго непрѣятнаго запаха, что приписывается въ высшей степени высокимъ трубамъ. И такъ мы видимъ, что способъ этотъ, при всей своей простотѣ, на столько же хороши, какъ и всѣ до сихъ поръ предлагаемые въ Европѣ. Самое зданіе окружено высокимъ заборомъ изъ бамбукового тростника.

Для предохраненія отъ моли суконъ, мѣховъ и т. п., недавно изобрѣтена оберточная бумага. Приготовленная изъ волоконъ тряпья и бумаги, она пропитывается смѣсью дегтя, очищенного керосина и карболовой кислоты. Достаточно насыщенную этимъ составомъ бумагу проводить чрезъ прессовальную машину и горячій катокъ, затѣмъ охлаждать, сушить и рѣзуть на куски.

Королю Сандвичевыхъ острововъ Калакауа I пришла недавно мысль удостоить Адалину Патти, которую онъ никогда не слыхалъ и не видѣлъ, орденомъ Кавіолани—брілліантовой звѣздой на лентѣ, съ красными и бѣлыми полосами. Этотъ высокій подарокъ былъ переданъ пѣвицѣ въ Нью-Йоркѣ секретаремъ короля Гастингсомъ.

СОДЕРЖАНИЕ: Памятникъ Св. Ирины въ Киевѣ (съ рис.). — Дядя Прокофій и Валетка. Разсказъ графа А. А. Голенищева-Кутузова. (Окончаніе). — Стихотворенія П. Гнѣдича. — Императоръ-философъ. Очеркъ. — Малайскій кинжалъ. Разсказъ Г. Гиршфельда. — Зимний видъ водопада Иматра (съ 2 рис.). — Маленький Канадецъ съ лыжами (съ рис.). — Мученица Симфороза передъ Императоромъ Адріаномъ (съ рис.). — Обрядъ сожженія тѣла королевы въ Сіамѣ (съ рис.). — Библиографія (съ 2 рис.). — Политическое обозрѣніе. — Смѣсь. — Отъ конторы редакціи „Нивы“. — Игры и задачи. — Объявленія.

Редакторъ Ф. Бергъ.

Издатель А. Ф. Марксъ.

ОБЪЯВЛЕНИЯ.

„Элеопатъ“ Провизора Кинунена употребляется противъ столь вредной для роста волосъ перхоти на головѣ, для укрѣпленія корней волосъ, увеличиванія густоты и останавливанія выпаденія волосъ.

Поистинѣ безпристрастные и благодарственные отзывы и лестныя заявленія тѣхъ лицъ, которымъ употребляли „Элеопатъ“, даютъ намъ возможность рекомендовать этотъ бальзамъ.

Каждый флаконъ „Элеопатъ“ содержитъ 120 граммовъ, и имѣеть въ самомъ стеклѣ вензель—подпись Кинунена—собственно для предупрежденія отъ поддѣлокъ.

Въ С.-Петербургѣ „Элеопатъ“ только провизора Кинунена можно получить у Штолъ и Шмидта и въ Русск. Общ. Торговли Аптекарскими Товарами. Цена флакону 1 руб. 50 коп.

Способъ употребленія „Элеопата“ Провизора Кинунена, приложенъ къ каждому флакону. Въ провинціи, „Элеопатъ“ имѣется во всѣхъ городахъ къ услугамъ публики, въ больш. Аптекарскихъ и Косметическихъ Магазинахъ, у дрогистовъ и въ Аптекахъ.

Для иногородныхъ покупателей, „Элеопатъ“ высылается не менѣе 2 флак., содѣрж. 240 граммовъ, за 4 руб. необходимо указать слѣдующій здѣсь адресъ:

Въ Магазинѣ Аптекарскихъ товаровъ
К. ФЕРРЕЙНУ въ Москвѣ.

Жнеи 250 руб. Косилки 200 руб., съ уку-
поркой и запасными частями.

Единствен. нарочно приспособленный
для русской почвы. Удост. высшей награды
на послѣдней московской выставкѣ. Отправ-
ка немедленно по получениіи задатка въ
100 руб. Искл. прод. на всю Империю у Г.
Барыцкаго: Варшава, Владзимирская, № 2.

Каталоги, проспекты и объясненія по-
лученіи почтовыхъ марокъ на 14 коп.

№ 2611 6—2

НОВЫЕ ХРОМОЛИТОГР. ПОРТРЕТЫ ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА и ГОСУДАРЫНИ ИМПЕРАТРИЦЫ

6 вершк. вышиною и 4½ верш. шириной,
высылаются во всѣ мѣста Россіи оба
вмѣстѣ за одинъ рубль съ пер. Требо-
ванія адрес. въ Центральную контору
Объявленій, Невскій № 11. 2617 2—2

противъ грозной стихии.

Американскіе пожарные и садовые насосы
новѣйшихъ привилегированныхъ конструк-
цій; превосходять по дешевизнѣ и практич-
ности всѣ существующіе до сихъ поръ.
Выбрасываются въ 1 часъ на высоту 2 до
5 этажей отъ 50 до 360 ведеръ воды.

Цѣна имъ на мѣстѣ, въ Варшавѣ, № 0
3 руб., № 1—5 руб., № 2—10 руб.; № 3, съ
гутаперчевымъ шлангомъ, 18 руб.; № 4 та-
кой же, большій, 20 руб.; № 5, съ металлич.
коробомъ и шлангомъ, 30 руб.; № 6, на кол-
есахъ, больш., съ короб. и шланг. 45 руб.,
№ 7, двухъ-цилиндр., съ больш. резервуаромъ,
и 2 шланг. 80 р., 100 р. и 120 р. (на кол-
лесахъ).

Отправка немедленно по получению пол-
ной суммы.

Каталоги, проспекты, объясненія за 14 к.
porto.

Обращаться въ искл. прод. привилегиро-
ванныхъ насосовъ на всю Империю по адресу:
Генрихъ Барыцкій—Варшава, Владзимир-
ская, № 2. 2610 6—2

НОВОЕ ИЗДАНІЕ СКАЗКИ
П. ЕРШОВА.

Кошечъ-Горбушокъ.

Съ 7-ю рисунками, портретомъ и факсими-
ле автора. Цѣна 40 к. Продажа во всѣхъ
 книжн. магазинахъ столичныхъ и многихъ
 губернскихъ городовъ. № 2627

ПРИ ПЕТРѢ, историч. повѣсть В. И. Кель-
сіева съ рисунками Панова и Коверзнева.
Это интересное сочиненіе изображаетъ, въ
формѣ повѣсти, Петровское время и его
характеръ. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к. Для
подпис. „НИВЫ“ 75 к., съ перес. 1 р.

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.

3 АЙДТШИТСКАЯ ГОРЬКАЯ ВОДА (Saidschitzer Bitterwasser),

настоящій, чистый, горько-соленый источникъ, представляетъ лучшее лекар-
ственное средство при страданіяхъ брюшной полости, геморроидальныхъ бо-
льзей и проч., и вслѣдствіе своего самаго легкаго дѣйствія, приноситъ
большую пользу даже самому нѣжному организму.

Brunnen-Direction въ Билинѣ (Богемія).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ
П. № 2596 Обществѣ торговли аптекарскими товарами. 6—8

ВЫШЛА МАЙСКАЯ КНИЖКА „СОБРАНІЯ РОМАНОВЪ.“

СОДЕРЖАНІЕ: Симона и Марія, Кровавая ночь, Ксавье де-Монтепена.
Въ четырехъ вышедшихъ книжкахъ помѣщено: Школа Робинзоновъ,
Жюля Верна. Доказательствъ нѣть. Филлида. Исторія безъ названія. Ея
ли дитя. Исторія съ привидѣніями. Искушение мистрисъ Ревнѣ. Доро-
гое наслѣдство. Въ каждой книжкѣ законченныя статьи.

Цѣна за годовое изданіе, состоящее изъ двѣнадцати книгъ большаго
формата, выходящихъ всегда въ началѣ мѣсяца, десять рублей пять-
десять копѣекъ, для городскихъ одиннадцать, для иногородныхъ двѣ-
надцать рублей. Тринадцатая книга, премія, прилагается бесплатно къ
декабрской книжкѣ для подписчиковъ, уплатившихъ сполна за весь годъ.

Подпись принимается исключительно на имя Елизаветы Николаевны
Ахматовой, въ домѣ Жербина, на Михайловской площади, въ С.-Пе-
тербургѣ. Редакція высылаетъ бесплатно каталогъ съ подробнымъ обоз-
наченіемъ всѣхъ статей, помѣщенныхъ въ прошлыхъ годахъ „Собра-
нія Романовъ“, продающихся по уменьшеннй цѣнѣ.

№ 2628

Б ИЛИНСКІЯ ПИЩЕВАРИТЕЛЬНАЯ ЛЕПЕШКИ.

(PASTILLES
DE
BILIN).

Испытанное средство противъ изжоги, катарра желудка и вообще рекомен-
дуются противъ различныхъ болѣзней пищеваренія и составляютъ при атоніи
желудка и кишечного канала истинное сокровище.

Brunnen-Direction въ Билинѣ (Богемія).

Депо въ С.-Петербургѣ: у Штоль и Шмидтъ, русскомъ фарма-
цевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами, также во
многихъ аптекахъ и аптекарскихъ магазинахъ. П. № 2595 6—2

НЕОБЫКНОВЕННО!

Удачные художественно исполненные олеографические портреты Государя Императора
Александра III и Государыни Императрицы Маріи Феодоровны.

Портрѣты по очень доступнымъ цѣнамъ. Могутъ быть получены только въ моемъ за-
веденіи. Форматъ портретовъ 4½ вершковъ вышина 6½ вершковъ. Образцы этихъ двухъ
портретовъ каждому высыпаются немедленно по получениіи 49 к. или 7 почтовыхъ ма-
рокъ по 7 коп. Адресоваться съ требованіемъ въ заведеніе Графическихъ искусствъ Э. И.
Маркусъ, Васильевский островъ, 6-я линия, д. № 15. № 2621

Изданія А. Ф. Маркса въ СПБ.
ВЪ КАМЫШАХЪ, повѣсть Н. Каразина,
второе изданіе, 39 рисунками автора, боль-
шой томъ in—8 всего 304 стр. Цѣна 2 р.,
съ перес. 2 р. 30 к. Подписчики „НИВЫ“ за
пересылку не платятъ.

ВТОРАЯ ЖЕНА. Романъ Маркита. Перев.
съ нѣм. Ц. 1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.,
для подписч. „НИВЫ“ 1883 г. 1 р. 25 к., съ
пер. 1 р. 50 к.

БОГЪ ВЪ ПОМОЩЬ!... Романъ Э. Вернера.
Перев. съ нѣм. Ц. 1 р., съ перес. 1 р. 25 к.,
для подп. „НИВЫ“ 1883 г. 75 к., съ пер. 1 р.

Поступилъ въ продажу во всѣ книжные магазины Петербурга, Москвы и другихъ
городовъ только что изданній.

Новый третій альбомъ К. Далматова,
въ 24 таблицы превосходныхъ, совершенно новыхъ узоровъ для вышиваній въ рус-
скомъ, малороссійскомъ и южно-славянскомъ вкусѣ.

Цѣна первому альбому, въ 28 табл., безъ перес. 1 р. 50 к.; второму, въ 24 табл.,
2 р. 50 к., и настоящему, третью, тоже 2 р. 50 к. Съ пересылкою каждый дороже
на 50 к. Выписывающимъ прямо отъ Далматова всѣ три за разъ, прилагается, въ видѣ
премій, бесплатно два роскошныхъ листа узоровъ чисто русскихъ полотенецъ, сто-
ящихъ отдельно 1 руб.

Адресъ: К. Далматову въ СПБ., 3 рота Измайлова полка, д. № 2. № 2629

ВОДЫ ЯГОДНЫЯ И ФРУКТОВЫЯ

Н. П. ЛАНИНА,

въ МОСКВѢ,
удостоенная многихъ медалей, въ томъ
числѣ двумя медалями на Филадельфійской
и почетнымъ отзывомъ на Парижской все-
мирныхъ выставкахъ и на послѣдней Все-
российской выставкѣ въ Москвѣ золотой
медалью,

имѣются въ продажѣ въ обѣихъ столицахъ,
въ большей части другихъ городовъ
Россіи, Сибири, Закавказья, Царства Поль-
скаго и нашихъ новыхъ владѣніяхъ Азіи.
Съ новаго года выпущены въ про-
дажу подъ новымъ ярлыкомъ.

№ 2440 10—1

Различнѣе
жестяныхъ
домиковъ,

Казанская,
противъ
Ломбарда.

ФАБРИКА Ф. БИНГА,

преемникъ УРЛАУБЪ,

предлагаетъ разнаго рода
душі, ванны, новоулучшенныя ванныя пе-
чи, лейки, кѣтки, садки, лампы, подсвѣч-
ники, фонари, керосиновыя плиты и проч.

ЛУЧШІЙ ВЫБОРЪ надгробныхъ вѣнковъ

изъ лакированной жести
съ богатыми фарфоровыми цветами
отъ 1 р. 50 к. до 15 р.
№ 2601 4—3

САМОДѢЙСТВУЮЩІЙ

ПОДСѢКАТЕЛЬ

для

РЫБНОЙ ЛОВЛИ.

Цѣна 60 к., съ перес. 1 р.

ЕДИНСТВЕННЫЙ СКЛАДЪ:
С.-Петербургъ, Милютинъ рядъ,
№ 18, въ магазинѣ Каратаева.

МИКРОСКОПЪ 30 к., съ пер. 60 к.
Гг. иногородные, выписывающіе
оба предмета, платятъ 1 р. 30 к.
№ 2626 4—1

Въ магазинѣ Н. ФЕНУ и К°.

№ 2623

(Невскій пр., противъ Гостиинаго Двора)

къ настоящему лѣту заготовленъ хороший выборъ
1) Приборовъ для собиранія коллекцій; между проч.: сачки, энто-
мологич. щипцы, расправилки, пробковыя пластинки булавки, лузы,

микроскопы, удочки, крючки и проч.

2) Игры на воздухѣ, какъ-то: крокеты, кегли, гимнастич. приборы,

гамаки и проч.

Каталогъ пособій по естеств. исторіи высылается бесплатно

ТОЛЬКО ЧТО ОТПЕЧАТАНЪ И ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ,

ВТОРЫМЪ ИЗДАНИЕМЪ ПОЛНЫЙ ТОМЪ „НИВЫ“ 1882 г.

Иллюстрированный Журналъ для семейнаго чтенія.

ИЗДАНІЕ А. Ф. МАРКСА ВЪ СПБ.

Заключающій въ себѣ болѣе 1,300 страницъ текста и болѣе 700
художественно-выполненныхъ гравюръ, большой романъ Вс. С. Соловьевъ — „Вольтеръянецъ“, больш. романъ Іокая — „Во время бури“,
больш. пов. Лебедева (Морскаго) — „Подъ землею“, пов. Австенка
„Испанскій дворъ нинѣ“ и др. произвед. современн. беллетристовъ,
а также много статей популярно-научнаго содержанія по естество-
занію, зоологии, астрономіи и проч., и проч., и кромѣ того без-
платная ПРЕМІЯ: большая олеографическая картина проф. Имп. Акад.
Худ. В. И. Якобія — „Дорогой гость“.

Цѣна этому большому тому:

Брошюрованн. 4 р. — к. | Въ каленк. пер. 5 р. 50 к.
Съ пересылкою 6 „ — „ | Съ пересылкою 7 „ 50 „

Съ требованіемъ обращаться: въ С.-Петербургѣ, Б. Мор-
ская, домъ № 9, въ контору редакціи журнала „НИВА“.

ГИСГЮБЛЕРЪ МАТТОНИ.

ЧИСТЬШАЩАЯ ЩЕЛОЧНО-КИСЛАЯ ВОДА,

лучший столовый и освѣжительный напитокъ,
испытанный при кашлѣ, горловыхъ болѣзняхъ и при катарахъ же-
лудка и мочеваго пузыря.

ПАСТИЛИ для пищеваренія.

ГЕНРИХЪ МАТТОНИ (Карльсбадъ).

Продается во всѣхъ аптекарскихъ магазинахъ и аптекахъ Россіи.
СКЛАДЫ: у АЛЕКСАНДРА ВЕНЦЕЛЯ, въ С.-Петербургѣ, Казанская, 3.
у Л. КРЕНІГЪ и К°, въ Москвѣ, Петровка, д. Матвеевой.

Р. № 2625 10—1

ВЪ КНИЖНЫХЪ МАГАЗИНАХЪ ТОВАРИЩЕСТВА М. О. ВОЛЬФЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, Гостиный дворъ, №№ 17 и 18. ПОСТУПИЛИ ВЪ ПРОДАЖУ
СОЧИНЕНИЯ ИНОСТРАННЫХЪ АВТОРОВЪ ВЪ ПЕРЕВОДЪ РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ:

№ 2624
МОСКВА, Петровка, д. Михалкова.

ЛЕССИНГЪ.

Сочинения подъ редакцію И. Н. Полевого, съ портретомъ и біографією, 5 т. 8 д. л. Ц. 12 р. 50 к., съ пер. 15 р. „Сочиненія Лессинга даютъ не только громадный содержательный материалъ, но также и художественное наслажденіе“. (Новости). — Лессингъ увлекательно проповѣдуетъ идеи гуманности, вѣротерпимости и т. п.» (Голосъ). — «Нельзя не быть благодарнымъ за это издание» (Русский Курьеръ).

Мицкевичъ считается однимъ изъ величайшихъ славянск. поэтовъ. Это титанъ поэзіи.

МИЦКЕВИЧЪ.

Сочинения подъ редакцію И. Н. Полевого, съ портретомъ и біографією, 5 т. Ц. 12 р. 50 к., съ перес. 15 р. — По характеру своего таланта чрезвычайно близкій къ Пушкину, Мицкевичъ одинаково ярко, съ изумительнымъ художествомъ рисуетъ картины живой действительности, набрасываетъ образы легендарныхъ героевъ и т. п.

Двадцать лѣтъ длилось издание Гейне, теперь наконецъ выпущено полное собрание сочинений поэта, этого ху-

ГЕЙНЕ.

Сочинение подъ редакцію И. Вейнберга и В. Чуйко, съ портретомъ и біографією, 16 т. Ц. 25 руб., съ перес. 30 р. „Гейне одинъ изъ любимѣйшихъ писателей вѣдѣ: и у англичанъ, и у французовъ, и у немцевъ...“ (Новое Время). „Переводы очень хороши.“ (Голосъ).

Фаусть — великое творение немецкаго поэта является въ этомъ издании въ роскошнейшемъ видѣ. Въ картинахъ художника всѣ лица трагедіи являются какъ бы живыми. (Русская Вѣдомость).

ГЕФЕ.

Фаусть, трагедія, украшенная 50-ю картинами художника Лизент-Мейера, съ орнаментомъ, украшеніями Зейтца. Переводъ А. Струговщикова. Большой томъ въ листъ, на веленевой бумагѣ. Цена 20 руб., въ перепл. 25 руб., съ перес. 25 и 30 руб.

Свѣжесть, юморъ и необыкновенная увлекательность рассказовъ Гофмана, дѣлаютъ его равно доступнымъ и занимательнымъ для читателей всѣхъ возрастовъ и требованій. Сочиненія его переведены на всѣ языки.

ГОФМАНЪ.

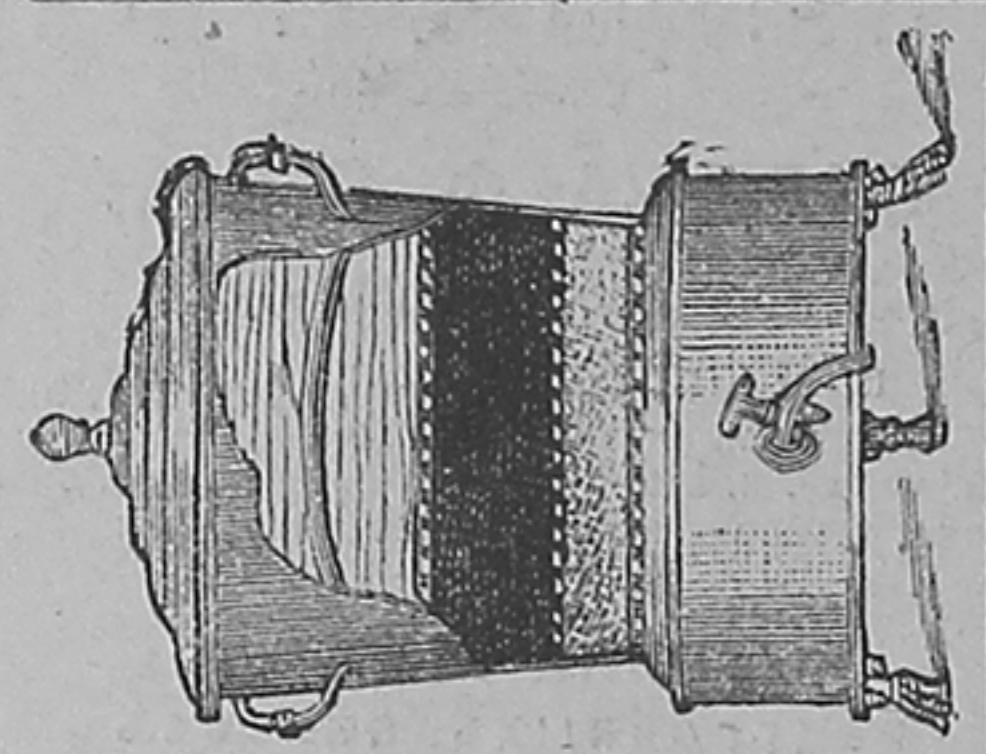
Собрание сочинений подъ редакціей Н. В. Гербеля и А. Л. Соколовскаго. 4 т. Цена 3 р., съ перес. 4 р. 50 к. Характеристическая черта этого писателя — фантастическое.

„Трудъ Шлоссера считается почти единственную и лучшую исторію, отличающуюся всестороннею полнотою, чисто научнымъ объективизмомъ автора, остроумностью и глубиною выводовъ и сравнительно живостью разсказа“. (Голосъ). Исторія доведена до 1872 года.

ШЛОССЕРЪ.

Всемирная исторія, съ дополненіемъ новѣйшей исторіи. 8 т. Ц. 24 р., съ перес. 30 р.; въ пер. 34 р., съ перес. 39 руб.

Подный каталогъ русскихъ книгъ за 50 лѣтъ продаётся въ Товариществѣ М. О. Вольфъ по три рубля сер.

Необходимо для всѣхъ жаждущихъ здоровья: чистая и свѣжая вода, получаемая лишь при употреблении новѣйшихъ, усовершенствованныхъ американскихъ фільтровъ, единственной практической системы „Henrіe“. Цена на мѣстѣ, въ Варшавѣ: Кухонныя отъ 2 р. 50 коп. до 10 р. Буфетныя, большія, отъ 12 р. 50 к. до 25 руб. Исключительная продажа на всю Имперію у Г. Барыцкаго: Варшава, Владімірская, 2. Отправка немедленно по полученіи полной суммы. Каталоги, проспекты, объясненія высыпаются по полученіи 14 коп. почтовыми № 2613 марками. 6—2

Настоящій степной кобылій КУМЫСЪ.

Лечебное заведеніе Аннаева близь Самары. Подробности въ брошури, которая имѣется во всѣхъ большихъ книжныхъ магазинахъ столицъ и большихъ городовъ. Адресоваться Г. Аннаеву въ Самару. № 2582 6—4

!!! ДО 80% УСТУПКИ !!!

Наслѣдники натуральныхъ янтарныхъ копей, прежде принадлежавшихъ покойному Карапину, имѣютъ честь объявить гг. покупателямъ, что они, вслѣдствіе открытия въ своихъ коихъ огромного количества янтаря, понижаютъ его цѣну до 80%, смотря по величинѣ. Этими баснословно дешевыми цѣнами надѣются они возобновить славу настоящаго янтаря, значительно павшую въ послѣднее время, по случаю искаженныхъ и вредящихъ здоровью подѣлокъ.

ЦѢНЫ

Мундштуковъ для папиросъ изъ настоящаго, натурального янтаря, съ гарантіей не поддельности,

ВЪ ИЗЯЩНЫХЪ ФУТЛЯРЪХЪ:

№ велич. прежняя теперь сантиметр. цѣна. только

1	10	12 р.	4 р. — к.
2	9	11 "	3 " 25 "
3	8	9 "	2 " 80 "
4	7	8 "	2 " 55 "
5	6	7 "	1 " 80 "

Обязуемся въ продолженіи 4-хъ недѣль со дня этого объявленія не повышать вышеизначенную цѣну.

Натуральная величина янтарного мундштука 7 сант. Заказы просимъ доставлять нашему представителю

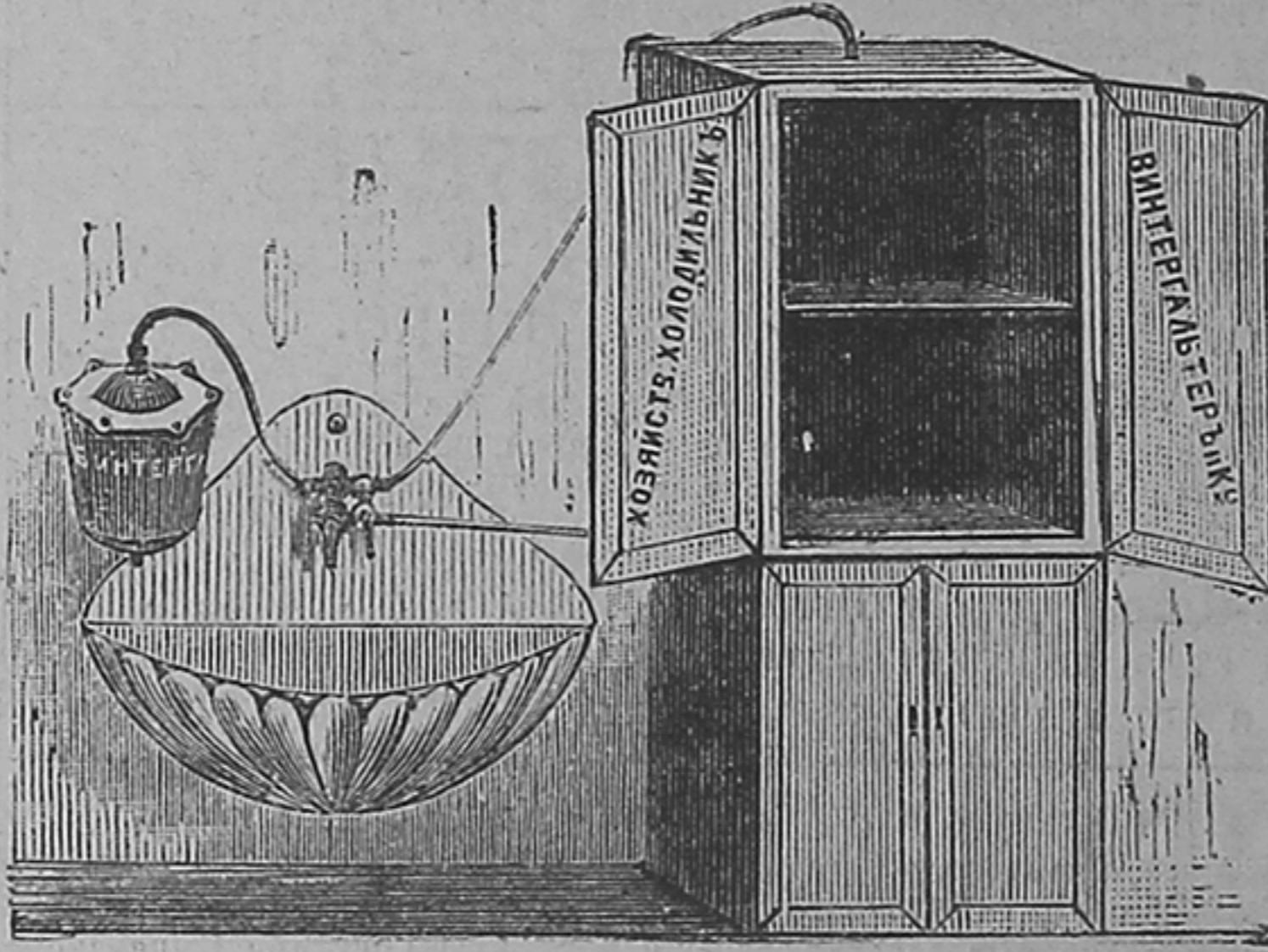
Г-ну Н. КАШИНУ,

Москва, Покровка, близь церкви Богородицкой, домъ Корастеловой.

Гг. иногородныхъ просить прилагать на почтовый расходъ. Пересыпка производится по полученіи денегъ. № 2599 2—2

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ И ВОДОЧИСТИТЕЛЬНЫЕ АППАРАТЫ ФИЛЬТРЫ

годовой абонементъ 6 руб. Установка БЕЗПЛАТНА.

№ 2580

Красота и нѣжность лица.

БЕРЕЗОВАЯ ЭМУЛЬСІЯ

Косметика А. Энглундъ.

Вѣрное средство противъ веснушекъ, желтизны, пятенъ, красноты, прыщей, угрей и проч. При употреблении Березовой Эмульсіи, кожа лица дѣлается необыкновенно нѣжно, и придаетъ ей ослѣпительную блѣзину, сглаживаетъ съ лица морщины, осипы и придаетъ ему юношескую свѣжесть и нѣжность; оно превосходитъ своимъ достоинствомъ всѣ другіе препараты. Оно единственное вѣрное средство отъ веснушекъ и загара. Цена 1-го флакона 1 р. 25 к., съ перес. 2 р., 2 флак. съ перес. 3 р. Для предупрежденія подѣлокъ требовать подпись А. Энглундъ красн. чернилами. Получить можно: въ Русск. Общ. торг. апт. тов. Казанская, № 12; у А. Рузанова, Гостиная дворъ, зерк. лин., № 40; и во всѣхъ извѣстныхъ аптекахъ и парф. торг. Российской Имперіи. Главный складъ для всей России С.-Петербургъ, Малая Итальянская, № 3, у А. Энглундъ.

№ 262

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ ХОЛОДИЛЬНИКЪ годовой абонементъ 10, 12 и 15 р., смотря по величинѣ. Установка около крана 2 р.

Въ складѣ воздушныхъ электрическихъ эвониковъ.

№ 12. У Казанск. моста. ВИНТЕРГАЛЬТЕРЪ и Ко. По канавѣ № 12.

НАТУРАЛЬНЫЙ ИЛИИНСКІЙ ЗАУЕРБРУННЪ!

Давно извѣстный целебный источникъ для желѣзныхъ болѣзней и болѣзней мочеваго пузыря, превосходный діагностический напитокъ.

Brunnen-Direction въ Билинѣ (Богемія).

Дено въ С.-Петербургѣ: у Штолъ и Шмидтъ, русскомъ фармацевтическомъ Обществѣ торговли аптекарскими товарами.

6—3

ЛЕЧЕБНИЦА для приходящихъ д-ра Волицкаго, Невскій, 98, противъ Николаевской Ежедневно пріемъ специалистами по всѣмъ болѣзнямъ. Кровати для женщины. Ночное дежурство. Телефонъ.

№ 2412

Духи Г. Лозе „Akazienblüthe“ (Цвѣтъ Акацій).

(Robinia Pseudoacacia)

стоять на той же степени, какъ и извѣстная міру специальности:

Maiglöckchen Г. Лозе, || Königin der Nacht Г. Лозе, HELIOTROPE BLANC Г. Лозе, || BOUQUET CARMEN Г. Лозе,

какъ отличные и для платковъ продолжительно нахуиче духи.

Gustav Lohse, 46 Jägerstrasse, Berlin.

Придворный парфюмеръ Е. И. В. Германской Императрицы.

При закупкахъ названныхъ произведеній прошу точно замѣтить мою полную фирму и марку моей фабрики.

St. № 2605 10—2

И Н Ж Е Н Е Р Ъ
Людвигъ Федоровичъ Шликкѣнъ, специалистъ по торфяномъ и кирпичномъ дѣлу, рекомендуетъ торфяная и кирпичелѣтательная машины новой конструкціи, примѣненной вполнѣ успешно на практикѣ. Иллюстрированные прейс-куранты выдаются по востребованію бесплатно.

Москва, Масницкая улица, д. Ермаковыхъ.

Ц. № 2586 5—4

EAU DE LYS
DE LOHSE.

Eau de Lys de Lohse сохраняетъ кожу.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ лицо болѣе нѣжнымъ.

Eau de Lys de Lohse возвращаетъ кожѣ юношескую свѣжесть.

Eau de Lys de Lohse дѣлаетъ кожу гладкою и нѣжною.

Eau de Lys de Lohse истребляетъ веснушки.

Eau de Lys de Lohse предохраняетъ отъ загара.

ГУСТАВЪ ЛОЗЕ,
БЕРЛИНЪ,

поставщикъ Ея Величества Императрицы Германіи.

Требовать у всѣхъ парфюмеровъ, парикмахеровъ etc. etc. у насъ и за границей.

Eau de Lys de Lohse.

S. № 2604 10—2

ВЪТРЯНЫЕ ДВИГАТЕЛИ
Сист. ГАЛЛАДѢ.

Нападающая и удобная действующая сила для накачивания воды и исполненія другихъ работъ.

Насосы, пожарные и садовые трубы и пр. — Иллюстрированные прейс-куранты безплатно.

МЕХАНИЧЕСКІЙ
ЗАВОДЪ

АЛЬФРЕДЪ
ЛАНГЕНЗІПЕНЪ

С.-Петербургъ. Каменоостров. просп. 39.
№ 2598 3—3

